

ЕЛЕНА ИЛЬИНСКАЯ

Власть женщины сильней

Елена Ильинская

Власть женщины сильнее. I

«Издательские решения»

Ильинская Е.

Власть женщины сильней. I / Е. Ильинская — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-907150-7

Рим, Ватикан, позднее Возрождение. На одной чаше весов политические амбиции и духовный авторитет. На другой — любовь. Вечный выбор. Авантюрный любовный роман со множеством деталей эпохи, но не претендующий на лавры учебника по истории. В оформлении обложки использована картина Вивиано Кодатци (1604 — 1670) «Собор Святого Петра и обелиск в Ватикане в Риме» (ок. 1630 г.).

ISBN 978-5-44-907150-7

© Ильинская Е.
© Издательские решения

Содержание

Несколько слов об этом тексте	6
Глава 1	7
Глава 2	17
Глава 3	25
Глава 5	39
Глава 6	46
Глава 7	53
Глава 8	60
Глава 9	65
Глава 10	73
Конец ознакомительного фрагмента.	79

Власть женщины сильней I

Елена Ильинская

© Елена Ильинская, 2018

ISBN 978-5-4490-7150-7

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Несколько слов об этом тексте

Давным-давно, когда о текстовых RPG, форумах, аське и тому подобных вещах и слыхом не слыхивали, а компьютеры видели только во время школьных походов на «подшефный» завод, несколько девушек-первокурсниц, болевших историей, придумали себе образы и стали писать друг другу письма. Одна из них задержала ответ на письмо, и пришлось ей писать ответ прямо на лекции. Тогда ее visavis впервые получил не письмо, а листок с началом диалога. Так началась ИГРА, продолжавшаяся без малого десять лет.

Теперь эти тетради у меня, и я придаю им электронную форму. Увы, прошедшее время не пощадило рукописи (вопреки утверждению классика), и в собрании есть лакуны, восполнить которые сейчас невозможно. Я постараюсь немного сгладить «дефект», чтобы он не помешал тебе, Читатель. За эти вставки в квадратных скобках я прошу у тебя прощения. Но только за это!

По-видимому, на свете нет ничего, что не могло бы случиться.
Марк Твен

Глава 1

На второй этаж вполне пристойной для окраины Рима трагтории ее проводил сам хозяин. С поклоном распахнул перед посетительницей дверь и оставил благородную донну в небольшой комнате. Она осмотрелась – в камине резво танцевал огонь по поленьям, свечи в кованом подсвечнике на добротном столе, разгоняли сумрак. Женщина опустилась на скамью у стола, аккуратно положила рядом с собой перчатки и вздохнула, пытаясь унять волнение.

Через некоторое время служанка принесла свежей воды в высоком кувшине и два серебряных кубка. Украдкой бросила взгляд на парчовый подол, видневшийся из-под плаща. Богатое шитье удивило ее и вызвало укол зависти – ей-то никогда подобного не носить. Служанка уже поставила поднос на стол перед посетительницей и собралась уходить, но любопытство взяло верх, и она попыталась разглядеть лицо, скрытое в тени глубокого капюшона. Ловкий маневр остался незамеченным. Казалось, все внимание гости сосредоточилось на серебряной чаше в руке – легко касаясь, палец с ухоженным ногтем обрисовал изящный чеканный рисунок, и чаша вернулась на поднос. Аккуратно, чтобы не испортить прическу под шитой серебряром и жемчугом сеточкой, синьора откинула капюшон. Свет от свечей и камина словно стал ярче – так засияли медно-золотые локоны.

– Спасибо, милая, ступай, – гостя расстегнула застежку плаща, и служанка увидела блеск дорогого шитья на корсаже.

Юлия дю Плесси Бельер маркиза де Ла Платьер налила воды в кубок, но вновь задумалась. Она очень надеялась, что сан и высокое положение того, кому назначила встречу, не станут для него отговоркой, и он придет.

Внизу, в общем зале трагтории, остался пришедший вместе с маркизой мужчина. Простым плащом он прикрывал хорошую шпагу. Суконный черный берет, который он не снял даже сев за стол, выдавал в нем уроженца юго-западной Франции. Вообще вид его был довольно обычным – смуглая кожа, темные волосы, скуластое гладко выбритое лицо с чуть выдающимся подбородком. Только глаза были неожиданного для южанина густого серого цвета. В родных местах посетителя римского кабака это считалось признаком благородного происхождения. В минуты душевного напряжения серые глаза темнели, приобретая оттенок грозовой тучи, но выражение полного спокойствия, даже некоторой отрешенности их покидало очень редко.

Хозяин заведения побеспокоил спутника благородной донны лишь однажды – поставил перед ним кружку вина, которая, впрочем, уже долгое время так и оставалась нетронутой. Всякий раз, когда открывались двери трагтории, спутник маркизы внимательно рассматривал входящего.

В очередной раз дверь распахнулась так, что тяжелое дощатое полотно гулко стукнуло в стену. В заведение вошли двое. Можно было бы предположить, что эти синьоры решили скоротать вечер за кружкой не самого дорогого вина, если бы не боевые шпаги на перевязях. Переступив порог, они цепкими взглядами окинули помещение. Внимание привлек посетитель, сидевший в центре зала лицом к входу. Один из вошедших решительно шагнул к нему, демонстративно вынул шпагу из ножен и сел напротив. Положив оружие на колени, он улыбнулся. Улыбка была холодной, неуместной – предостерегающей. Тем временем его товарищ выглянул за порог. В ответ на призывный взмах руки в открытые двери вошел третий синьор. Высокую, широкую в плечах фигуру целиком укрывал плащ, а лицо – тень полей шляпы.

Вероятно, именно этого посетителя так терпеливо ждал спутник маркизы. Он медленно поднялся, не скрывая своего намерения подойти к главному из пришедших, но остановился и решил дождаться, пока тот подойдет сам. Синьор, только что расположившийся напротив него, вскочил, закрывая своего патрона. Но тот, ускорив шаг так, что из-под плаща стало видно

длинное черное одеяние священника, приблизился к столу, положил руку на плечо, успокаивая своего человека, и обратился к его визави:

– Где она?

– Наверху, – Пьер Шане склонил голову, давая понять, что прошедшие годы не помешали ему узнать старого знакомого. – С вашего позволения, я провожу.

– Побystрее, – прозвучал резкий, холодный ответ.

Синьор Шане проводил святого отца до маленького уединенного помещения, почтительно открыл перед ним дверь и отступил.

Женщина, сидевшая в комнате, обернулась на шум и поднялась. Дождавшись, когда дверь плотно закроется, священник снял шляпу и отбросил ее на табурет рядом с входом. «Столько лет... А она все так же дьявольски хороша. Господи, дай мне сил», – пронеслось в сознании, когда взгляд скользнул по женской фигуре.

– Синьора, у вас несколько минут. Я слушаю.

Маркиза множество раз представляла этот разговор, сочиняла фразы, продумывала диалоги. Но все оказалось бессмысленным, когда она увидела его, ощутила энергию, исходящую от сильной статной фигуры. Ледяной тон привел ее в замешательство – неужели она все-таки надеялась на что-то?! Юлия выше подняла голову, усилием воли заставив голос не дрожать:

– Хорошо. Тогда сразу к делу. Я прошу позволения увидеть сына, монсеньор Перетти.

– «Ваше Святейшество», синьора. Помнится, я велел вам забыть о его существовании.

– Нет у вас такой власти, чтобы заставить мать забыть своего ребенка. Ваше Святейшество, – она тщательно выговорила обращение.

Он прошел вглубь комнаты и встал так, чтобы между ними остался стол:

– Зато у меня есть власть сделать так, чтобы ребенок не знал своей матери, – монсеньор Перетти, точнее, Его Святейшество Папа Сикст, пятый этого имени, снисходительно усмехнулся.

Юлия, не ожидавшая подобного заявления, посмотрела на мужчину растерянно, неосознанно привычным жестом коснулась единственного украшения, что было сейчас на ней – золотой цепочки с семью крупными жемчужинами.

– Что же вы сказали ему про мать? Что она умерла? – маркиза повернулась, чтобы вновь быть лицом к собеседнику.

Сикст не ответил. Его взгляд помимо воли последовал за движением руки женщины, скользнув по изящным изгибам шеи, по линии плеч, задержался на смутно знакомом ожерелье.

– Последнее замужество пошло вам на пользу, синьора Ла Платьер. Чтобы его осуществить, вы, вероятно, воспользовались моими уроками, – со странной интонацией проговорил он и с удовлетворением отметил, что слова вызвали на щеках женщины легкий румянец смущения.

– Только оно бесплодно. Ваш сын останется моим единственным ребенком, – в ее голосе невероятным образом смешались боль, гнев, мольба. – Позвольте мне увидеть Бенвенуто, святой отец! Поговорить с ним...

Папа улыбнулся ее горячности:

– Вот видите, сам Всевышний не желает от вас потомства.

В глазах женщины полыхнули огоньки гнева:

– Или вы взяли на себя роль Господа, отдав меня в руки вальядолидской инквизиции?! После всего, что со мной случилось... – голос прервался, но Юлия упрямо продолжила: – Я никогда не смогу больше родить ребенка. И в этом виновны вы!

– Зачем вы позвали меня, маркиза? Чтобы обвинять? Это бессмысленно.

Он отвел взгляд от золотистых переливов на тугих локонах ее волос и направился к выходу.

– Нет! – маркиза стремительно сорвалась с места следом. Терпко-сладкий аромат ее духов коснулся обоняния мужчины, когда она оказалась совсем близко. Он отшатнулся. И тут же разозлился на себя – за слабость – и на стоящую перед ним женщину за то, что стала ее причиной.

– Я пришла просить, – Юлия вновь шагнула ближе к нему, – умолять позволить мне увидеть сына. Я просто хочу его обнять. Если ему хорошо, я не буду мешать и никогда не встану у него или у вас на пути. Неужели от вашего чувства ничего не осталось? Этот ребенок – дитя нашей любви.

При упоминании о чувствах – о любви – лицо Перетти застыло в маске отчужденной холодности.

– Кто вам сказал, что было какое-то чувство? Повторяю, у вас нет сына. Забудьте о нем.

– Не смейте так говорить! У меня есть сын, и его отец стоит сейчас передо мной! По законам Божьим и людским я имею право видеть своего ребенка! Вы лишили меня возможности быть с ним все эти годы. Вы разлучили мать и сына! – от гнева и отчаяния глаза женщины наполнились слезами.

Насмешку и снисходительное внимание в мужских глазах сменили ответные гневные отблески:

– Значит, так вы просите? Помните, чем обернулись требования забрать вас в Рим? Похоже, нет... Так я могу напомнить! Не только словом, но и делом!

Черт возьми, он на самом деле думал, что за эти годы она поняла, кто и у кого имеет право что-либо требовать! Феличе Перетти говорил, наступая на хрупкую женщину, пока не навис над ней всей своей угрожающей фигурой. Но тут же и проклял себя за неосторожность. Аромат духов Юлии, неизменный, только ее, окутал его. И словно не было десяти лет намеренной разлуки. Ее взгляд, обращенный на него снизу вверх, блеск глаз, запах – его обдало жаром воспоминаний, на которые откликнулось тело.

– Снова отдадите меня инквизиции? За что на этот раз?

То ли от воспоминаний, то ли от нахлынувшего желания броситься к нему, вновь ощутить его руки на своем теле, его дыхание на своих губах, голос Юлии понизился почти до шепота.

– Разве первому человеку Рима и мира нужно основание? Вас просто не станет, – все тот же ледяной тон, который Перетти всегда хорошо удавался, напряженный шаг назад и совершенно прямая спина – настолько, что при его росте макушка только чуть не задевала балку потолка.

– За что вы так поступили со мной? Почему оставили жить, отняв все? – в больших глазах цвета меда была мольба и то, что так хотели произнести, но не договаривали ее губы: «Я приехала, чтобы увидеть тебя и его. Ты пришел, Феличе. Я так ждала тебя, я едва выжила без тебя!»

И тогда, и сейчас – за то, что ему едва удавалось держать себя в руках рядом с ней. Потому, что даже теперь он готов был лечь к ее ногам. Сжавшиеся до хруста кулаки под плащом, а может ее глаза – умоляющие, полные смирения, помогли мужчине совладать с чувствами, отрезвили. Помолчав, Перетти проговорил:

– Вы увидите мальчика на церемонии посвящения в сан. Но не пытайтесь подойти и поговорить. Он не знает вас. Его вырастила и воспитала другая женщина.

– Другая женщина... – тихим эхом откликнулись его слова. Маркиза склонила голову так, что локоны почти скрыли лицо. – Нет, монсеньор. Я приехала к сыну. Я увижу его и поговорю с ним. Бенвенуто должен узнать правду!

Когда Юлия подняла голову и нашла взгляд мужчины, в ее глазах уже не было слез. Они лишь блестели чуть ярче – теперь в них было упрямство и нескрываемый вызов.

– Можете упрятать меня в подвалы и отдать палачам, но сейчас я не стану молчать. Ваши подручные услышат много интересного о своем патроне. Под пытками не молчат!

Она вздрогнула, когда гневный рык колыхнул пламя свечей в подсвечнике:

– Довольно! Да, под пытками не молчат, – ворот сутаны показался очень тесным. Он двинул головой и почти прошипел: – Однако немногие слышат такие признания.

Юлия нервно усмехнулась:

– Кланяться своему сыну и говорить ему «святой отец»! Как вы могли так поступить... Почему я не убила вас?! Берегитесь, мне терять нечего!

– Прекратите истерику, синьора. Он будет умным кардиналом, когда вырастет. Даже умнее меня. И кланяться вы будете его мудрости. Ну, а терять-то вам есть что! Будьте благоразумнее, чем прежде, – Перетти почти совладал с собой, лишь кровь еще шумела в ушах.

Вдруг ослабев, Юлия вернулась к столу, тяжело опустилась на скамью и опустила голову на руки. Она молчала, а взгляд мужчины скользил по очертаниям ее фигуры. Перетти едва не вздрогнул, словно его застали за подглядыванием, когда маркиза глухо проговорила:

– Позволь мне увидеться с Бенвенуто. Верни мне сына или убей меня, Феличе. Чего ты боишься?!

– Будь уверена, не тебя и не тех головорезов, что стерегут тебя в этой забегаловке, – он издевательски усмехнулся и лишь после заметил, что поддался на ее уловку и сменил отчужденное «вы» на привычное «ты». Лицо исказилось в гримасе досады.

– Я знаю, что ни я, ни мои слуги не пугаем тебя. Ты и тогда ничего не боялся, а уж сейчас... Я иначе представляла себе эту встречу.

– В таком случае, оставайтесь со своими фантазиями. И не беспокойте ими более ни меня, ни, тем более, монсеньора Монтальто.

Перетти подхватил свою шляпу с табурета, широкая ладонь с длинными сильными пальцами ударила по двери, распахивая ее.

– Я убью тебя, – короткая фраза догнала его как нож, брошенный в спину. – И заберу сына.

Он вздрогнул так, словно и в самом деле почувствовал удар. Тяжело повернулся. Кровь мгновенно дала в голову, отчего на щеках проступили багровые пятна, помутнели глаза.

– Что ты сказала?

Маркиза поднялась на ноги, встала против него и с холодной решимостью, глядя прямо в налитые яростью глаза проговорила:

– Я убью тебя и заберу Бенвенуто. Я избавлюсь от тебя навсегда, Феличе Перетти.

– Не я желал этой встречи.

– Но ты пришел.

– И жалею об этом.

– Но даже всемогущий Сикст не в силах вернуть время назад, – она смотрела на него снизу вверх, не скрывая издевки и презрения. Но за всем этим, словно птица о стекло, билось глубоко в груди чувство, которым она жила все это время. Чувство сильнее разума, сильнее обиды, сильнее страха. На мгновение оно прорвалось в приоткрывшихся, будто в ожидании поцелуя, губах, в дрогнувшей руке, будто желавшей прикоснуться к высоким жестким скулам мужчины.

Он помолчал. Выравнивалось дыхание, гас румянец бешенства на щеках, вновь холодел взгляд:

– Ошибаетесь.

Она не отвела взгляда, лишь чуть дрогнул уголок губ в тонкой усмешке:

– Попробуйте.

– Либо вы завтра же покинете город, либо... пеняйте на себя.

– До утра далеко, – холод и вызов в ее глазах заставили их потемнеть, сделав почти черными. – У меня еще есть время.

Она отвернулась и отошла к скамье, на которой лежал плащ.

– Используйте его правильно, синьора. Может быть, ваш верный паж и вечный школяр Шане, наконец, подскажет верное решение! И, надеюсь, на эта затянувшаяся комедия закончится.

Взгляд Перетти последний раз скользнул по мягким контурам фигуры. Память вновь нарисовала ее тело, не скрытое одеждой. Он тряхнул головой и вышел из комнаты, оставив двери открытыми.

Юлия дю Плесси Бельер, маркиза де Ла Платьер закрыла лицо руками, сжав ледяными пальцами пылающие виски. Возбуждение, вызванное разговором с мужчиной, к которому она приехала через время и расстояние, уходило, оставляя опустошение и невероятную слабость. Не такого конца встречи она ожидала. Не такого продолжения хотела.

Запахнув полы плаща и надвинув шляпу на глаза, Перетти стремительно спустился в общий зал трактира. Осмотрелся в поисках своих людей и громко проговорил, обращаясь к тому, который сидел за столом напротив Пьера Шане:

– Ты останешься здесь. Женщина и ее... провожатый должны покинуть город утром, как только откроются ворота. Проследи за этим.

Перетти перевел взгляд на синьора Шане – не хочет ли вдруг чего сказать. Карие глаза прелата встретились с серыми глазами Пьера – лишь на мгновение, но этого оказалось достаточно, чтобы Перетти успел увидеть в них сверкнувшие искрами презрение и гнев. Проигнорировав и то, и другое, Папа Сикст вместе со вторым сопровождающим покинул заведение.

Синьор Шане направился в известную комнату на втором этаже. Не закрывая двери, Пьер подошел к Юлии, набросил ей на плечи плащ, осторожно коснулся плеча:

– Ваша светлость, нам пора.

Почувствовав прикосновение, Юлия подняла голову, и мужчина едва не отшатнулся, увидев безумные глаза с черными провалами зрачков. Подобное Пьер уже видел, когда встретил Юлию после долгих месяцев пребывания в подвалах испанской инквизиции, и ее перевозили под охрану толстых стен монастыря с самым суровым уставом.

– Я убью его. Уничтожу.

– Прекрати! – он встряхнул ее за плечи. – Ты сделала попытку и проиграла. Нам нужно уезжать из Рима.

– Не знаю как, но я это сделаю. Я убью его и верну своего сына! – иступленно повторила Юлия.

Такое неистово упрямое выражение лица Пьеру было хорошо известно. И это означало, что сейчас спорить с Юлией бессмысленно.

– Вы были крайне неосторожны, синьора.

На пороге, за спиной Пьера, стоял невысокий коренастый мужчина. На лице со впалыми щеками выделялся тяжелый подбородок. Высокий, чуть скошенный назад лоб обрамляли темные коротко стриженные волосы. Он уверенно облокотился на косяк двери и сложил руки на груди.

– Кто вы? – Пьер обернулся к вошедшему, недвусмысленно положив руку на эфес шпаги.

Тот не изменил позы, лишь усмехнулся в ответ на угрожающий жест, и продолжил, обращаясь к женщине:

– Этот человек мог убить вас и не заметить этого... до поры.

Появление незнакомца заставило Юлию взять себя в руки. Она вышла из-за спины Пьера, успокаивая, положила руку на его пальцы, держащие оружие. Огонь в камине за спиной маркизы прорисовал ее силуэт и золотым ореолом подсветил волосы. Юлия пристально оглядела мужчину у двери и негромко произнесла:

– Вы можете войти и закрыть дверь, святой отец.

Почему маркиза решила, что перед ней служитель церкви, она не смогла бы сказать. Манера говорить? Жесты? Выражение глаз?

– Благодарю за приглашение, – он чуть склонил голову и шагнул внутрь. На пороге обернулся, бросил взгляд в темный коридор и только после этого плотно прикрыл дверь.

– Какое вам дело до моей неосторожности?

– Считайте это проявлением моего человеколюбия.

– Неужели? – в голосе женщины явно скользнула ирония. – Благодарю вас, синьор...

– Зовите меня брат Иосиф, – он подошел к столу. – Вы собирались поить Его Святейшество водой?

– Да, – с легким удивлением в голосе ответила женщина, обошла стол, так чтобы оказаться напротив мужчины. И совершенно не скрываясь, чуть склонив голову, принялась его рассматривать.

– Если хотите, для вас я прикажу принести вина, брат Иосиф, – легкая усмешка тронула ее губы.

– Ни к чему. То, что я хочу обсудить с вами, лучше обсуждать на трезвую голову.

Он расположился на скамье, облокотившись на стол с таким видом, словно предлагал Юлии сделать то же самое.

– Вы хотите что-то обсудить со мной? – маркиза опустила на скамью напротив, пристально всмотрелась в глаза монаха. «Какой странный цвет... Как лед», – мелькнула в ее голове мысль.

– Насколько серьезно ваше заявление о намерении в отношении Святейшего Отца?

Взгляд брата Иосифа стал пронзительным, острым.

– Какое вам до этого дело?

– Возможно, мне будет дело, когда вы ответите.

Юлия с изумлением взглянула на него и рассмеялась – искренне, весело, чуть откинув назад голову – так словно услышала восхитительную шутку:

– Святой отец, – сквозь смех проговорила она. – Вы считаете меня сумасшедшей? Вы подслушали случайный разговор, пришли ко мне с такими вопросами и хотите, чтобы я призналась в намерении убить Римского Папу человеку, которого вижу впервые в жизни? Вы не в своем уме или вас подослал он?

Брат Иосиф коротко усмехнулся в ответ на обвинения, но тут же снова стал серьезен:

– Случайный? Случайный разговор, ради которого Папа обманывает начальника собственной охраны, тайком выбирается из Ватикана, идет на окраину города в известный притон римских подонков на встречу с женщиной, бежавшей из монастыря в Испании, судьбу которой он отслеживает последние несколько лет. И вы утверждаете, что это случайный разговор?!

– Вы следили за ним? Почему? Кто вы вообще такой?

Юлия подобралась, словно готовилась к отражению возможного нападения.

– Очень много вопросов, синьора, – он заговорил на кастильском наречии. – А нужен всего один.

Юлия коротко взглянула на Пьера, уже давно молча подпиравшего плечом дверь и ответила на том же наречии:

– Какой вопрос вы хотите от меня услышать?

– Никакой. Я хочу услышать ваш ответ.

Он взял бокал, плеснул в него воды и спокойно отпил.

Юлия задумалась. Как всегда, когда мысли путались, она поднялась, сделала несколько шагов по комнате, задержалась, глядя на пламя в камине. Снова несколько шагов. Остановившись перед братом Иосифом и, теперь глядя на него сверху вниз, она спросила:

– Вы можете мне?

Брат Иосиф не спеша допил воду, аккуратно поставил бокал на стол и лишь после ответил:

– Да, синьора.

Юлия краем глаза уловила движение Пьера, резко обернулась к нему:

– Молчите, синьор Шане! Пьер, я прошу, не сейчас.

Маркиза вновь нашла взгляд серых ледяных глаз:

– У меня мало времени. Утром я должна покинуть Рим.

Маленькая хрупкая женщина с медно-золотой короной волос, словно стараясь казаться выше, подняла голову. Нежные губы исказились в горькой усмешке.

– У вас еще меньше времени, чем вы думаете, – резко ответил мужчина, представившийся братом Иосифом. – Самое большее через час здесь будет уже не один человек Перетти, а целый отряд папских сборов¹. Нам нужно уйти отсюда. Ваши друзья смогут задержать того, кто остался внизу?

Юлия вопросительно взглянула на Пьера. Тот согласно кивнул головой и вышел.

– Думаю, что смогут, – когда за Пьером закрылась дверь, Юлия, глядя на брата Иосифа усмехнулась:

– Почему я поверила вам?

– Могу ли я доверять вам? – в тон спросил святой отец.

– Думаю, нам лучше довериться друг другу. В знак своего доверия я не стану спрашивать, зачем вам смерть этого человека, – серьезно ответила женщина.

– Как хотите, – брат Иосиф внимательно осмотрел женщину, – но на этот вопрос я как раз мог бы ответить.

Любопытство оказалось сильнее. Мгновение поколебавшись, она все-таки спросила:

– Так зачем?

– Скажу так... – он помолчал, – мне претит зваться игнатианином.

Святой отец выжидающе смотрел на женщину: поймет ли она все, что он сказал этой фразой. Услышав ответ монаха, маркиза не сдержала удивления.

– Вам больше нравится быть сотоварищем Иисуса? – усмехнулась Юлия. – Только ли вам или многим вашим братьям?

– Я уверен, что название, данное нам нашим первым Генералом, более соответствует истинному положению вещей. Что же ваш друг медлит?

Иезуит подошел к двери, приоткрыл ее и прислушался к происходящему внизу. Через несколько мгновений в конце коридора появился Пьер. Войдя в комнату, он коротко поклонился Юлии:

– Можно идти, ваша светлость.

Юлия застегнула пряжку плаща и оперлась на руку Пьера. Монах последовал за ними. Но далеко уйти им было не суждено. Когда маркиза, Пьер и брат Иосиф спустились вниз, с улицы послышались резкие команды. Голос, отдававший их, был слишком хорошо знаком монаху. Его реакция была молниеносной. В тот момент, когда открылась дверь трактира, Юлия оказалась одна в центре общего зала, а Пьера железной хваткой удерживал под лестницей иезуит. Маркиза растерянно оглянулась, не понимая, куда делись ее спутники; первой мыслью, мелькнувшей в голове, когда она увидела входящих в трактир людей, была мысль о том, что новый знакомый все-таки оказался подставным лицом. Стиснув дрожащие руки под плащом, маркиза застыла на месте.

Под лестницей Пьер, от неожиданности потерявший несколько секунд, пытался вырваться из железных объятий святого отца.

¹ Сборы – в Папской области судебные и полицейские служители.

– Тише, вы, рыцарь прекрасной дамы, или эти люди разнесут весь трактир. Вашей даме сердца ничего не угрожает. По крайней мере, пока.

– Отпустите меня, – Пьер перестал вырываться. – Кто это такие и почему вы уверены, что маркизе не грозит опасность?

– Он хочет преподать ей урок. Если бы Перетти хотел убить маркизу, она уже была бы мертва.

Неожиданно скорым для дородной фигуры шагом трактирщик подскочил к вошедшим:

– О, какая честь, синьор капитан, какая честь! Как раз открыл бочонок лучшего вина!

Для вас и ваших ребят.

Командир отряда папских сборов остановил его подобострастное словоизлияние:

– Заткнись. Так-то ты соблюдаешь закон о закрытии питейных заведений после вечерни!

– Что вы, синьор капитан! Просто двери забыл запереть. У меня и посетителей-то нет.

Так, парочка пьяниц заснули, вот и пожалел их на улицу выкидывать.

– Посетителей, говоришь, нет...

Подозрительный взгляд капитана остановился на стоящей за спиной трактирщика женщине. Командир сборов словно и забыл о нарушении закона, все его внимание сосредоточилось на синьоре:

– Маркиза де Ла Платьер?

– Да, – Юлия не скрывала удивления, скорее прятала за ним страх. Добавив в голос толику пренебрежения, маркиза возмутилась: – Разве мы знакомы, синьор?! Вы мешаете мне пройти.

– Следуйте за мной, – ощутив высокомерный холод, исходящий от всего вида женской фигуры в плаще, резко ответил капитан. – Приказ Его Святейшества.

Маркизе стоило огромного труда не оглянуться, пытаясь найти взглядом Пьера и брата Иосифа. Она лишь тряхнула локонами:

– Хорошо, синьор. Раз это приказ самого Его Святейшества.

– Куда они ведут ее? – поинтересовался Пьер у монаха.

– Подождите... – монах напряженно следил за общением синьоры Ла Платьер и сбира.

А тому докладывали, что оставленный Папой охранник пропал.

– Синьора, вы можете объяснить это? – голос стража порядка наполнился металлическими нотами.

– Его Святейшество не поручал мне следить за своим слугой. Это ему было поручено следить за мной! Ищите своего товарища сами. Я не стану вам ничего объяснять, – резко ответила синьора Ла Платьер и отвернулась, показывая, что разговор закончен.

– Проводите синьору к карете. Обыскать этот крысятник!

Юлия плотнее запахнула плащ и последовала за своими конвоирами.

– Нам пора. Быстрее, синьор Шане, – брат Иосиф повлек Пьера за собой, еще глубже под лестницу, где обнаружился ход в подвал.

Посомневавшись мгновение, Пьер последовал за странным монахом, который появился так неожиданно и так много знал.

Повинуясь молчаливому знаку хозяина – высокого, довольно молодого, черноволосого мужчины – посетители трактира, сделали вид, что происходящее их не касается. Какой им, в самом деле, интерес до ареста богатой синьоры, случайно забредшей в заведение не самого высокого класса? Хозяин тем временем, выйдя на кухню, спустился в погреб и запер дверь, через которую перед этим прошли монах и синьор Шане.

Усадив маркизу в карету, несколько стражей отправились вместе с ней. Другие остались осматривать трактир. Окна в карте были завешены плотной тканью, хотя сейчас, когда на улицах города царила темнота, это не было необходимо. Путь им освещали только два всадника с факелами в руках. Через некоторое время копыта лошадей и колеса кареты застучали по каменной кладке моста. Арестованную везли в замок-тюрьму Сант-Анджело.

Когда за Юлией закрылась дверца кареты, и она оказалась в полной темноте, ее охватила паника. Она осталась одна и не знала, куда ее везут. Но больше всего маркизу пугала неопределенность будущего. Юлия сцепила пальцы, сдерживая нервную дрожь, и постаралась успокоиться. «Если бы он хотел убить меня, я давно бы была мертва», – это была первая четкая мысль в испуганном сознании. Женщина замерла, прислушиваясь к звукам снаружи. Карета остановилась.

– Выходите, синьора, – раздался все тот же холодный командный голос.

Юлия шагнула на подножку, легко спрыгнула на землю и быстро огляделась. Увидев высокие стены и силуэт ангела в небе, она сразу поняла, где оказалась. Понимание отозвалось дрожью во всем теле. Глубоко вздохнув, маркиза молча посмотрела на своего стража. Тот поднес к лицу синьоры факел, присмотрелся, не нужна ли ей помощь. Убедившись, что арестованная потрясена, но не сломлена, он усмехнулся и приглашающе махнул рукой в сторону входа:

– Нам туда, маркиза.

Юлия вспомнила, как когда-то давно в другой замок, другие люди привезли молодую вдову, чтобы надолго закрыть ее за каменными стенами. Окинув взглядом стража, синьора Ла Платьер спокойно пошла в указанном направлении, и только в этот момент осознала, что ее не только ни разу не коснулись с целью причинить боль, но и разговаривают вполне вежливо. Это подбодрило Юлию. Совсем немного.

В замке сбир передал арестованную коменданту и ушел. Комендант, синьор Кресченци, тоже был довольно обходителен с маркизой. Но все же поселил арестантку не на верхнем этаже, а в камере ближе к реке. В небольшой комнате на подоконнике в нише узкого окна горела лишь одна свеча. Ни табуретов, ни кровати, только лежанка из соломенного тюфяка в углу. Оглядев свое пристанище, маркиза невольно подумала, что в испанском монастыре была хотя бы узкая жесткая постель. Но отметила, что увели ее не в знаменитые подвалы замка. Юлия опустилась на тюфяк, прислонилась спиной к каменной стене, закуталась в плащ и, обняв руками колени, замерла, чутко прислушиваясь ко всем звукам замка.

Узкими улочками, подворотнями и чердаками, демонстрируя отличное знание города и его всевозможных закоулков, монах вел Пьера Шане следом за каретой. На одной из улиц он остановился. Прямо перед ним через перекресток проехали всадники и их добыча. Дальше брат Иосиф не пошел.

– Они везут ее в Сант-Анджело. Можно было догадаться... – задумчиво, словно вовсе забыв о спутнике, проговорил иезуит.

– Ей можно чем-то помочь? – поинтересовался Пьер, почти сразу осознав наивность своего вопроса. – Зачем ему это?

– Феличе Перетти – человек подверженный порывам, – с враждебным пренебрежением в голосе заговорил иезуит. – В этом его слабость. Он не захотел просто отпустить ее, без, так сказать, отеческого наставления. Извлечь из этого пользу для маркизы и для себя – уже мое дело. Вы входи в дом к маркизу Ла Платьер?

– Конечно, – слегка удивленно ответил Пьер. – Как управляющий имением и... – он не договорил. Пьер задумался – этот человек так много знал о Юлии, но о нем, мужчине,

который рядом с ней был почти всю жизнь, не знал? Потом усмехнулся своим мыслям и снова взглянул на монаха:

– Что я должен сделать?

Видимо иезуит не только отлично видел в темноте, но и читал в душах, потому что издал странный смешок и уточнил:

– Синьор Шане, меня интересует – доверяет ли вам, – он многозначительно выделил это слово, – супруг маркизы?

Пьер ответил твердо:

– Да, его сиятельство прислушивается ко мне.

– Отлично. Изложите ему все в нужном свете. Завтра вечером он должен быть готов убить за свою жену любого. Сможете?

– Да, – без тени сомнения ответил синьор Шане. Уж он-то точно знал, что муж маркизы весьма болезненно реагировал на любую попытку других мужчин выразить даже толику восхищения своей очаровательной супруге. Правда, обычно такие вспышки выглядели как странная истерика. Только умение маркизы удерживать строгие рамки общения с мужчинами не позволяло маркизу или погибнуть в очередной дуэли, или перебить половину соседей. Убедить его, что появился настоящий враг, труда не составит. Вопрос о том, почему Анри де Мотье, маркиз де Ла Платьер позволял ему быть так близко к супруге, самого Пьера не волновал; для него быть рядом с Юлией, защищать ее стало за многие годы совершенно привычным.

– Я постараюсь сделать так, чтобы его вызвали к маркизе. Но вам в Ватикане делать нечего. Перетти слишком хорошо знает вас, – иезуит проговорил все очень серьезно, а темень переулка скрыла его издевательскую улыбку.

Пьер лишь молча кивнул головой, уверенный, что монах увидит его жест.

– Прощайте, синьор Шане. Если нам повезет, мы с вами больше не увидимся.

– Прощайте, святой отец, – Пьер развернулся, чтобы уйти. – Надеюсь, нам повезет, и маркиза не пострадает.

Глава 2

Двери камеры маркизы Ла Платьер отворились с неприятным лязгом. На пороге стоял монах. Слабый огонек фонаря в его руках был почти бесполезен в предрассветных сумерках. Лицо вошедшего скрывалось под низко опущенным капюшоном.

– Дочь моя, я пришел исповедать тебя. Покайся в своих грехах.

Женщина испуганно открыла глаза. Она не спала всю ночь, из-за нервной дрожи и холода, пришедшего с реки. Зябко куталась в плащ, пыталась согреться, меряя шагами небольшое пространство помещения. Только под утро она погрузилась в тревожный сон, из которого ее и вырвал голос монаха.

– Святой отец, я не виновна и не знаю, почему меня вынуждают быть здесь, – тихий слегка севший голос, тем не менее, был тверд.

– Правду ли говоришь? – неслышно ступая, он прошел внутрь, плотно закрыв дверь.

– Да, преподобный, – женщина попыталась подняться, но затекшее от неудобного положения тело ее подвело, и она вновь бессильно опустилась на тюфяк.

– Я не знаю, за что меня арестовали, за что я здесь!

Она пыталась рассмотреть лицо монаха, скрытое капюшоном.

– Ты никогда не обманывала, дочь моя? Никогда не прелюбодействовала? Никогда не грешила в мыслях, замышляя против ближнего своего? Не желала соблазнить божьего человека?

Вопросы, произнесенные тихим, вкрадчивым тоном, действовали на арестованную как пощечины. Вторая попытка подняться удалась, но она тот час опустилась на колени, склонила голову, скрывая гнев на лице под растрепавшимися локонами прически.

– Если и прелюбодействовала, то лишь в мыслях, святой отец. Я возжелала мужчину, который не муж мне. Но разве за это я здесь?!

– А разве нет? – монах небрежным жестом скинул капюшон с головы. Брат Иосиф со снисхождением и жалостью посмотрел на коленопреклоненную женщину перед собой.

Юлия лишь на мгновение подняла голову, услышав изменившуюся интонацию святого отца. И вновь склонила ее, уже пряча удивление. Впрочем, не зря ей показался знакомым голос, искаженный глубоким капюшоном. А вот взгляд льдисто-серых глаз маркизе не понравился. Кто он такой, этот монах, вчера выглядевший как дворянин, а сегодня спокойно пришедший в камеру Сант-Анджело?! Накануне она не ошиблась, почувствовав в нем служителя церкви, но сегодня она словно убедилась, что никем другим этот человек и не может быть – таким естественным для брата одного из самых влиятельных орденов были его речь и жесты, и даже немного пугающий взгляд.

– Если бы сюда отправляли за прелюбодеяние, Рим опустел бы, а в замке не осталось бы свободной камеры, – в голосе коленопреклоненной женщины явственно прозвучала усмешка.

– Вот это истина, – иезуит усмехнулся в ответ. – Поднимитесь, а то совсем замерзнете.

Последовав его предложению, Юлия встала, вновь почувствовав, что замерзла, что здесь неуютно и страшно. Но, когда она, выпрямившись, посмотрела в глаза мужчине, вряд ли он смог бы увидеть в ее взгляде и этот страх, и это ощущение холода. В глазах цвета меда был вопрос: «С чем вы пришли?»

– Вы еще тверды в своем намерении?

– Более чем, – Юлия невольно обвела взглядом каменные стены камеры.

– Неужели действительно не понимаете, почему здесь оказались? И главное, зачем? – казалось, брат Иосиф был искренне изумлен.

Юлия отвела взгляд. Лишь на миг. Она вспомнила, что и тогда, давно, защищаясь от нее и от ее любви, а возможно и от своей собственной, епископ Феличе Перетти запер ее среди каменных стен.

– Для вас это так важно? – спросила маркиза напрямую.

– Мне важно, чтобы вы правильно понимали происходящее. И что поставлено на карту, – святой отец совсем чуть-чуть повысил голос.

– Хватит. Не знаю, каковы ваши ставки в этой игре, но для меня все очень просто – или я уеду из Рима с сыном, или я уже никогда никуда не уеду, – Юлия вскинула голову, и от резкого движения ее прическа, и так уже изрядно растрепанная, рассыпалась по плечам медно-золотым водопадом. Даже в утреннем полумраке камеры они словно излучали собственный свет.

– Синьора, – он качнул головой, – никто вас тут убивать не будет! Подержат день в этом клоповнике. После прочитают проповедь о смирении и отпустят восояси. Сын вырастет, вы сможете его увидеть и все объяснить позже.

Иронии в глазах монаха не убавилось, но Юлия заметила особый, очень мужской взгляд, скользнувший по ее фигуре вслед за локонами. Губы Юлии плотно сжались, удерживая усмешку.

– А мне показалось, что вы спросили о другом, – теперь в ее глазах был откровенный вызов. – О том, что будет, когда я выйду отсюда! Если бы меня хотели убить здесь, вы бы пришли не исповедовать меня, а отпевать. Еще ночью!

В голосе женщины зазвучали холодные нотки, а глаза потемнели, приобретя странный оттенок древнего темного золота.

Монах кивнул и вдруг улыбнулся одной половиной лица:

– Я должен был убедиться в вашей решимости, синьора. Вы готовы выслушать меня?

– Кажется, это вы предложили свою помощь мне, не так ли? И это мне пристало проверять вашу решимость, святой отец, – невысокая изящная женщина свысока посмотрела на мужчину, которому едва доставала до плеча. – Да, я готова выслушать вас.

Он шагнул чуть в сторону, но только для того, чтобы не показать, что борется с желанием улыбнуться.

– Уверен, к вечеру вас поведут к Его Святейшеству. Сам он сюда не пойдет. Феличе Перетти недолюбливает этот замок. Разговаривайте с ним, как хотите. Но в результате должно получиться так, чтобы Папа вынужден был послать за вашим мужем. Лучше если вы воспользуетесь вот этим, – брат Иосиф вынул из складок хабита небольшой пузырек. – Это яд. В малом количестве он довольно безвреден, его действие быстро проходит. Но можно сослаться на то, что противоядие дома. Вместе с вашим супругом приду я. На этот случай, я надеюсь, у вас есть чем... удивить Святого Отца?

– Думаю, да, – Юлия посмотрела на перстень с большим черным камнем, под которым скрывался яд. Старый аптекарь, продавший этот перстень маркизе, утверждал, что под камнем хранится знаменитая кантарелла Борджиа. Проверить, так ли это, возможности у Юлии не было, но и не доверять старому врачу оснований не было также.

Маркиза внимательно осмотрела пузырек, протянутый ей монахом, и поинтересовалась:

– Через какое время начинает это снадобье действовать и в чем это проявляется?

– Постарайтесь выпить его, когда за вами придут, чтобы отвести к Перетти. Вам должно хватить времени.

Он не стал уточнять, на что должно хватить времени у Юлии. Но, чуть подумав, решил пояснить:

– Проявления весьма неприятны... Вы можете потерять сознание, можете бредить... Он будет впечатлен, – оттенок хищной улыбки скользнул по тонким губам иезуита.

Юлия снова посмотрела на пузырек в своей руке, но теперь уже с опаской. Но, вспомнив жалостливо-ироничный взгляд, которым при встрече одарил ее монах, решительно спрятала флакон за корсажем платья.

– Синьора, есть ли необходимость обрисовать все возможные последствия... неудачи?

– Мне бы хотелось это услышать, чтобы понимать, как вы видите эту сторону нашего плана, – женщина чуть склонила голову к плечу, приготовившись внимательно слушать.

Лицо монаха стало отстраненно-жестким:

– Неудача может постигнуть нас только в случае вашего отступления от конечной цели.

Брат Иосиф не сводил с маркизы ледяного взгляда, давая понять, что уверен в своем плане настолько, что виновной в его срыве может быть только она.

– А как я могу быть уверенной, что Его Святейшество на самом деле позовет меня и согласится позвать маркиза?

– Не беспокойтесь, на этот, – подчеркнул он, – случай у меня есть варианты действий. Возможно, мне удастся даже самому проводить вас к нему.

– Вы собирались сказать о том, что нас, – она выделила именно это слово, – ждет в случае неудачи.

Монах долго молчал. Потом проговорил:

– Что бы ни случилось со мной, я найду способ наказать вас за нерешительность.

Юлия рассмеялась:

– Если что-то не сложится, то вы окажетесь вторым в очереди наказывать меня. В лучшем случае вторым. И шансов у вас практически не будет!

– Может быть и так, – кивнул брат Иосиф. – Но помните, шансов у меня не будет в одном случае – если вас не станет.

Ни тени угрозы не было в его голосе, только настойчивое желание донести до маркизы мысль о неизбежности наказания.

– Святой отец, я уже поняла, что мне нужно постараться, если я не хочу подвергнуться вашему наказанию, – женщина усмехнулась одними уголками губ. – К сожалению, не могу ответить вам тем же, но хочу напомнить, что у меня не меньше интереса в успехе, чем у вас.

Брат Иосиф вдруг очень мягко, почти сочувственно посмотрел на Юлию.

– Синьора, нет ничего страшнее материнского гнева. Перетти еще не лишил вас сына. Но он сделает это, если останется его единственным воспитателем.

Юлия опустила взгляд, ее губы на мгновение плотно сжались.

– Спасибо за заботу. Но о своем сыне я буду говорить только с его отцом, – стараясь, чтобы фраза прозвучала не очень резко, Юлия подняла лицо к монаху и в конце фразы почти улыбнулась.

– Постарайтесь отдохнуть днем. Я велю принести вам одеяло.

Он развернулся и направился к выходу.

– Святой отец, – окликнула его Юлия, когда он был на пороге.

Монах хотел уже стукнуть в дверь, чтобы охранник открыл засов. Но остановил движение, обернулся.

Женщина плавно опустилась на колени, склонила голову, молитвенно сложила руки.

– Благословите.

В лице монаха что-то неуловимо дрогнуло. Привычным жестом он откинул повыше широкий рукав хабита и подошел к маркизе. Чуть помедлив, протянул руку над ее головой, почти касаясь медных волос:

– Да благословит вас Всемогущий Бог – Отец, и Сын, и Дух Святой.

Едва он закончил произносить ритуальную фразу, женщина подняла к нему лицо и негромко проговорила:

– Спасибо, брат Иосиф, – и было понятно, что благодарит она не только за благословение.

– До вечера, – отрывисто проговорил он и, теперь не медля, направился вон.

Юлия вернулась на соломенный тюфяк у стены, вновь плотно закуталась в плащ и замерла, обняв руками колени. Вскоре двери ее камеры вновь открылись. Охранник принес потертое, но вполне теплое одеяло. Молча бросил его к ногам узницы и вышел. Юлия, мыс-

ленно поблагодарив брата Иосифа, завернулась в кусок грубой шерстяной ткани и через некоторое время, немного согревшись, погрузилась в сон.

Маркиза Ла Платьер проснулась, когда солнце уже перевалило за полдень. Она прислушалась к глухой тишине замка, попыталась дотянуться до окна, чтобы посмотреть на улицу – впрочем, безуспешно: ей просто не хватило роста – и вновь вернулась на тюфяк, устроившись в привычной уже позе. Рассматривая стену напротив, Юлия думала о том, что ее может ждать. И вспоминала. Вспоминала человека, которого всем своим существом теперь хотела уничтожить, чтобы получить шанс избавиться от его власти над собой. Над своей душой, которая сейчас металась в сомнениях. Над своей памятью, которая возвращала ее назад, во времена, когда он был рядом, и ей казалось, что он любит ее. Над своим телом, которое даже сейчас, мучимое холодом и жаждой, наполнялось трепетным теплом, стоило памяти воскресить моменты, когда они были вместе. Бояться Юлия себе запретила и поэтому гнала любую мысль о том, что иезуит мог обмануть, и она просто умрет, выпив оставленный им яд; о том, что, если не удастся довести до конца задуманное, – она погибнет.

Вечером, когда со стороны реки в окно вновь потянуло холодом и сыростью, двери камеры Юлии отворились. На этот раз внутрь шагнул сбор:

– Синьора, следуйте за мной.

Едва слышав гулкий стук подкованных сапог по коридору крепости, Юлия вытащила пузырек из корсажа и быстро проглотила его содержимое, почти безвкусное, а склянку затолкала в дырку в тюфяке, поглубже в солому.

Пропустив вперед арестантку, страж последовал за ней. Снаружи Юлию ожидал еще один конвойный и монах, лицо которого вновь скрывал капюшон. Из замка Сант-Анджело Юлию повели не по Элиеву мосту, а через пассето – крытый коридор Борго. В Апостольском дворце боковыми переходами и неприметными лестницами ее привели к дальнему студиоло Его Святейшества папы Сикста.

Папа Сикст, пятый понтифик этого имени, некогда монсеньор Феличе Перетти, любил свой кабинет. Особенно вечерами, когда служка зажигал здесь свечи. Однажды во дворце герцога Фредерико в Урбино кардинал Перетти был допущен в святая святых – студиоло синьора Монтефельтро. Став Папой, он приказал воспроизвести кабинет Фредерико в своих покоях. Лишь аллегорическое панно демонстрировало не образы герцога, а пейзажи и виды римских холмов, да выхода на портик не было. Зато за одной из панелей с богатой интарсией скрывался узкий вход в целый лабиринт переходов, через который можно было попасть во внутреннее комнаты. Открывался проход хитроумным поворотным механизмом, скрытым в боковой панели камина: его здесь никогда не разжигали, он был украшением интерьера и хранителем тайного пути. Кресло, больше похожее на трон, и массивный письменный стол, сделанные по специальному заказу, соответствовали почти семи пьедам² роста понтифика. Сейчас, сидя за этим столом, он заканчивал редактуру латинского перевода Библии.

– «*Biblia sacra vulgatae editionis*»³, – вслух прочел Святой Отец на титульном листе. – Да, так. Войдите! Брат Иосиф?! А где Маттео?

– Он плохо почувствовал себя, и я заменил его, Ваше Святейшество.

² Пьеда – мера длины. 1 итальянская пьеда = ок. 30 см.

³ «*Biblia sacra vulgatae editionis*» (лат.) – «Святая Библия. Всеобщее издание» (Вульгата).

Перетти нахмурился, с долей сомнения глядя на человека в дверях, проворчал: «Бездельник...» Но тут его отвлекло движение за спиной монаха:

– Ты привел арестованную?

– Да, Святой Отец.

– Пусть войдет.

Не поворачиваясь спиной к понтифику, монах вышел. Вместо него в дверях появилась женщина в богатом, но изрядно помятом, платье. Переступив порог, она сбилась с шага, но тут же гордо вскинула голову.

– Не робейте, синьора. Вам это не к лицу, – едва ли не с улыбкой проговорил хозяин кабинета, вставая и выходя из-за стола.

После этих слов в студиоло повисла тишина. Она понимала, что Сикст ждет выражения почтения к сану, но не собиралась преклонять колени и тем более целовать перстень на его руке. Вместо этого синьора, как кошка в новом доме, осторожно прошла по кабинету, легко прикасаясь к мебели:

– Здравствуй, Феличе. Я пришла.

– Пришла?! – он усмехнулся. – Чего у вас не отнимешь, синьора, так это умения держать лицо.

– У меня был хороший учитель, – задумчиво проговорила Юлия. – Мне пришлось нарушить ваш приказ, Ваше Святейшество. Я не смогла уехать из Рима, потому что меня держали в Сант-Анджело.

Она остановилась перед ним, почти запрокинув голову, чтобы видеть лицо мужчины. Не имея возможности сделать прическу, Юлия просто заплела густые волосы в косу, и сейчас казалось, что именно она оттягивает головку женщины назад.

– По крайней мере, вы провели эту ночь не в притоне бродяг и нищих, а в мавзолее императора, – его голос был полон иронии, но за ней тщательно скрывалось желание увидеть, что сутки в крепости произвели на строптивую маркизу должный эффект.

– Я могла бы провести ее в доме, купленном для меня моим мужем, – брови женщины дрогнули, а губы изогнулись в улыбке. – Там было бы значительно теплее и не так одиноко.

Густые изящно изогнутые длинные ресницы скрыли блеск глаз, пряча в них упрямство и насмешку.

– Уверен, муж сумел бы вас развлечь. Но к делу... Я решил позволить вам написать монсеньору Монтальто письмо. На столе все необходимое. Садитесь. Пишите. И уходите.

Вот теперь удивилась Юлия. Ее глаза широко распахнулись, наполнились светом невероятной, безумной надежды. Прежде, чем маркиза успела сообразить и остановиться, с ее губ слетел вопрос:

– Почему ты разрешаешь мне это?

– Ну, скажем, в знак благодарности за оказанные ранее услуги, – Перетти едва не рассмехался в ответ на воодушевление женщины.

Если бы он дал ей пощечину, эффект оказался бы таким же: Юлия отшатнулась, щеки вспыхнули яркими алыми пятнами, сбилось дыхание.

– Я никогда не оказывала подобные услуги за плату, – она вскинула голову, теперь уже с нескрываемым вызовом глядя в темные глаза мужчины.

– За плату?! Синьора, я говорил о благодарности. Но какие услуги имели в виду вы? Возможно, мы говорим о разном... – Перетти откровенно насмехался.

Синьора Ла Платьер не стала отвечать, побоялась, что дрогнувший голос и неожиданно наворачнувшиеся на глаза слезы, дадут ему еще один повод для издевки. Резко отвернувшись, маркиза отошла к столику, на котором стояли письменные принадлежности, и опустилась на краешек кресла. Пристально всмотрелась в чистый лист, словно ожидая, что на нем проступят слова, которые подскажут ей, что делать.

Перетти не мешал. Только смотрел, как плавится медь волос в отблесках нескольких свечей на столе, за которым она сидела, и пытался понять, что за чувство ворочается в его груди. Когда Феличе осознал, что этим чувством было желание прикоснуться к медному шелку, пропустить его между пальцами, поднести к губам, вдохнуть его аромат, по его спине прошелся холодок страха. Он-то решил, что на своей территории, защищенный от соблазна белой папской сутаной, сумеет совладать с воспоминаниями, с чувствами, с собой. Но это оказалось непросто.

Юлия взяла в руки перо, обмакнула его в чернила. Кончик завис над листом, а женщина, все так же глубоко задумавшись, подняла голову, но теперь ее взгляд, ставший темным и бездонным, был направлен куда-то в неизвестность. Казалось, она видит что-то, что недоступно взглядам других. Губы тронула нежная печальная улыбка. Огонь свечей очертил напрягшуюся шею, резче проступившие скулы, поднимающуюся в тревожном дыхании высокую грудь. Юлия вздрогнула, когда с пера сорвалась капля и растеклась кляксой по бумаге, оглянувшись на мужчину, не успев совладать с собой и скрыть нежную улыбку воспоминания не только в глазах, но и на губах, сделавшую ее вдруг беззащитной и слабой.

– Поторапливайтесь! – резко, почти зло крикнул Перетти.

Маркиза вздрогнула, и ее взгляд словно подернулся льдом – таким холодным и острым стало выражение глаз. Скомкав и отбросив испорченный лист, она прикусила кончик пера. А через мгновение на бумагу легли первые ровные строчки, написанные изящным мелким почерком.

Неожиданно рука Юлии дрогнула, перо прочертило по бумаге кривую скользящую линию, и женщина покачнувшись на стуле, почувствовав головокружение.

Папа, приведя маркизу окриком в чувство, отошел подальше, к окну и поэтому не заметил происходящего за столом.

В этот момент Юлии стало по-настоящему страшно. Комната плыла и качалась перед глазами, пламя свечей казалось полыхающим пожаром, мучительный спазм сжал горло, не давая возможности дышать. И откуда-то из глубины тела поднималась мучительно-горячая волна. Маркиза попыталась вдохнуть, хватая воздух ртом, отчаянно рванулась прочь от стола, и уже почти не осознавая, что происходит, теряя сознание, прошептала:

– Феличе... Помоги...

Перетти стремительно обернулся на шум – будто опасался нападения, но увидел, что ему никто не угрожает. Напротив, его собеседница без чувств лежит на полу. По бумаге на столе растекались чернила. Изумленный этим неожиданным обмороком, Сикст некоторое время не двигался. Потом медленно приблизился к женщине. Болезненно-яркий румянец на ее щеках быстро сменяла мертвенная бледность. Губы мужчины досадливо искривились. Похоже было, что вместо борьбы и отчаянного сопротивления, которое он намерен был сломать раз и навсегда, ему придется довольствоваться заботой о больной женщине. «Ну, уж нет, любезная синьора, этого вы от меня точно не дождетесь!» – подумал он и позвонил в колокольчик, вызывая служку. Предоставив посетительницу заботам слуг и лекаря, Папа ушел в другую комнату.

Вызванные Святым Отцом лекарь и служка уложили бесчувственную женщину на небольшой диванчик здесь же, в студиоло. Спустя некоторое время, которого оказалось достаточно для того, чтобы лекарь с трудом нащупал пульс, попытался привести женщину в себя с помощью нюхательной соли и, осознав безуспешность этих попыток, заподозрил, что столкнулся с чем-то иным, чем нервный обморок. Не совсем понимая, насколько спокойно отнесется Его Святейшество к тому, что незнакомка умрет у врача на руках – а по мнению лекаря все шло к этому – он решил честно покаяться и робко постучался в дверь комнаты, куда ушел Сикст.

– Кто там? – донеслось из-за двери.

Впрочем, Феличе Перетти уже догадывался, что побеспокоить его могли только в связи с синьорой Ла Платьер. Он уже не раз проклял себя за слабость и за самоуверенность. Не нужно было давать волю чувствам – ни гневу, ни сожалению.

– Ваше Святейшество, – лекарь склонился так, что, казалось, сейчас переломится пополам. – Эта женщина... Эта синьора... Мне кажется, она умирает... Я не могу ей помочь!

Из студиоло, где на диване безжизненно лежала Юлия, донеслись тихие, неразборчивые звуки – кто-то быстро, запинаясь, путаясь что-то говорил. Папа уничтожающе глянул на лекаря и, пробормотав: «Зря я отпустил Лейзера», стремительно прошел обратно в свой студиоло, приблизился к лежащей женщине, вслушиваясь в бред. Ее бледные губы едва шевелились, но даже в этом почти беззвучном шепоте слышались то отрывочные слова, то наполненные болью и страхом мольбы. «Феличе... наш сын... твой сын... Не забирай его у меня... Не оставляй меня им... Жан... Убийца... Не смей бросать меня здесь! Не уходи! Зачем ты убил его... Бенвенуто, сынок... Убийца! Не оставляй! Я приду к тебе... Жан! Феличе...» Из-под закрытых век на виски текли слезы, но лицо, застывшее словно маска, оставалось почти неподвижным.

Чем больше Перетти слышал, тем белее становилось его лицо и ярче пятна на скулах. Наконец, он чуть двинул головой, оборачиваясь к лекарю:

– Вон, – прорычал Сикст.

Лекарь, не скрывая облегчения, ретировался.

Бессвязный лепет маркизы становился то громче, то делался едва слышным. «Не уходи!» – тело женщины выгнулось в жестоком спазме боли, и она замерла; Перетти даже показалось, что маркиза перестала дышать.

Привыкший к беспрекословному подчинению тех, кто его окружал, Папа не обратил внимания на двери. Он осторожно коснулся пальцев Юлии. Боже, какие холодные и безжизненные. После попытался проверить пульс. Далекие, почти неощутимые, редкие удары. Феличе разжал маркизе рот, осмотрел язык. Его вид вызвал у Перетти подозрение. Яд? Но откуда? В Сант-Анджело? А может, это знак свыше и надо просто оставить все, как есть?

Маркиза не шевелилась, не мешая ему ни осматривать ее, ни принимать решение. Только легкое колыхание золотисто-медного локона, скользнувшего после прикосновений Перетти на щеку и губы, позволяло догадаться, что Юлия еще не покинула этот мир. Шорох за спиной заставил Перетти оглянуться: на пороге, сложив руки на груди, стоял брат Иосиф.

– Однажды вы спасли человека от смерти, – монах открыто посмотрел на Папу.

– Что ты хочешь этим сказать? – угроза недвусмысленно прозвучала в тоне Сикста.

Но брат Иосиф не дрогнул:

– Вы хорошо знаете медицину. Или Ваше Святейшество предпочтет после избавляться от трупа и объясняться с ее мужем?

Отношения Святого Отца с братьями-иезуитами были весьма натянутыми, особенно после расследования жалоб на членов этого Ордена, которое инициировал понтифик. И сейчас один из них стоял здесь и почти угрожал ему.

– Может быть, послать за синьором Ла Платьер? – предложил монах.

– Ты убил их, Жан. Всех. Феличе, – шепот маркизы был скорее похож на шелест листвы.

Расслышав очередные слова бреда, Перетти сжал пальцы в кулак, подавляя желание заткнуть рот женщины. Он посмотрел на Юлию – крупные капли пота выступили на висках и шее, тонкая рука бессильно соскользнула с края софы, почти касаясь безвольными, бледными до синевы пальчиками, ковра. Папа вновь обернулся к монаху, несколько мгновений тяжело смотрел на него, потом глухо проговорил:

– Ступай, брат Иосиф, пусть пошлют за маркизом.

Иезуит склонил голову и шагнул за порог. Папа подошел и запер двери на ключ. Вернувшись к своему столу, Перетти снял кольцо, распятие и сел рядом с женщиной. Одна его рука легла ей на лоб, другая – на грудь. Феличе закрыл глаза. Через некоторое время виски

мужчины покрылись испариной, но синьора на диване задышала ровнее и спокойнее. Взглянув на неё, он поднялся и тихо проговорил:

– Надеюсь, этого хватит до прихода вашего мужа.

Словно услышав его, женщина чуть шевельнулась. Феличе лишь бросил короткий взгляд в ее сторону и отошел налить себе вина из кувшина. Юлия застонала. Вместе с сознанием пришла боль. Если бы маркиза могла, она бы сейчас кричала, проклиная монаха, давшего ей яд. Запекшиеся губы с трудом шевельнулись:

– Пить...

Сикст с сожалением глянул на только что наполненный бокал, обернулся к маркизе, но тряхнул головой и выпил сам.

Достигнув пика, боль начала быстро стихать. Маркиза открыла глаза, некоторое время растерянно осматривала комнату, пока ее взгляд, постепенно становившийся все более осмысленным, не наткнулся на фигуру в белой сутане. Тут Юлия вспомнила, как и зачем оказалась здесь: «Яд... Я должна сослаться на то, что противоядие дома...»

– Я знаю этот яд. Маркиз... Пошлите за ним! У него есть противоядие, – голос был тихим, прерывающимся, но говорить она старалась четко и разборчиво.

– Давно уже послал. Можете дожидаться его здесь, – Папа, стоя у стола, надевал кольцо и крест. Расправив цепь на груди, он направился к двери, намереваясь оставить Юлию дожидаться супруга.

– Я так и не написала письмо, – с трудом, но женщине удалось приподняться. – Письмо сыну.

– Я передумал. Вам сейчас нужно бы заняться поисками своего отравителя. А то вдруг в следующий раз ему удастся. Хотя... – он изобразил задумчивость, – я-то как раз был бы ему благодарен. Дождетесь супруга с противоядием, и не дай вам Бог задержаться здесь еще хоть четверть часа. Яд вашему отравителю не понадобится.

Произнеся эту тираду, Перетти отпустил ключ качаться на шнуре и рванул дверь. Но шагнуть дальше он не смог. Прямо напротив него стоял маркиз де Ла Платьер.

Глава 3

Юлия с каким-то странным выражением на лице смотрела в спину Феличе Перетти, пока он отпирал двери. Но когда в проеме она увидела маркиза, ее губы тронула усмешка: «Анри, ты успел вовремя, спасибо».

Высокий, почти такого же роста, как сам Папа, но худощавый светловолосый мужчина с белым от гнева лицом, не дав Святейшему Отцу опомниться, сделал шаг вперед и схватил его за сутану:

– Ты украл мою жену! Рясник немощный!

В налитых кровью глазах бушевала ненависть.

На подобные выпады Феличе Перетти отвечал всегда молниеносно. Глухо рыкнув, он оторвал руки негодующего супруга от себя, приподнял того над полом, и в следующее мгновение тело маркиза уже сметало со своего пути стоящие неподалеку стул и шандал со свечами. Мужчина в белой сутане с видимым удовольствием глубоко вдохнул и расправил широкие плечи. Энергия, вызванная смесью чувств, бурлившей в нем с самой первой встречи с синьорой Юлией в трактире, давно требовала выхода.

Избавившись от непосредственной угрозы, Папа обратил внимание на дверной проем. Его занимала невысокая, широкоплечая фигура брата Иосифа. Короткого взгляда в холодные серые глаза хватило Сиксту, чтобы понять – охраны за дверями и в ближнем коридоре нет. Как это удалось монаху, он подумает после. А пока гневный взгляд темных глаз схлестнулся с прозрачно-спокойным взглядом иезуита.

– Предательство? Проклятие падет на тебя и на весь твой Орден!

– Ты и есть проклятие моего Ордена, – парировал брат Иосиф.

Продолжить Папе не дал пришедший в себя после падения маркиз. Пока Перетти оценивал степень угрозы со стороны монаха, маркиз успел подняться – горячий нрав вынудил его научиться хорошо обращаться с оружием и быстро оправляться после ударов противника. В следующее мгновение на шее Папы сомкнулся крепкий захват, а в спину уперлось острие кинжала:

– ...с-скотина. Будешь просить у нее прощения на коленях!

Воспользовавшись тем, что хозяин кабинета занят, иезуит прикрыл двери, нашел в складах портьеры ключ и запер замок. Когда брат Иосиф развернулся лицом к происходящему, его тонкие губы скривились, словно это его руку, как в тисках, зажал Перетти и безжалостно ломал, вынуждая выпустить оружие. Когда кинжал звякнул, упав на пол, могучий удар в лицо отправил следом синьора Ла Платьер. К мокрому от пота лбу Сикста прилипли пряди темных с проседью волос, шея и все лицо его были покрыты алыми пятнами ярости. Иезуит слышал, что в гневе понтифик способен убить воина голыми руками, но воочию видел это состояние Перетти впервые. Брат Иосиф нервно облизнул губы и бросил взгляд на Юлию.

Маркиза, сумев к тому времени подняться с дивана и даже добраться до стола, на котором стояли кувшины с водой и вином, оторвалась от полупустого кубка – она пила воду жадно, словно только что пережила несколько дней в пустыне. Прохладная влага притушила огонь жажды, и Юлия смогла обратить внимание на ситуацию. Не выпуская бокала из рук, скорее всего, просто забыв про него, несколькими быстрыми шагами она добралась до лежащего на полу мужа, увидела, что он жив, и развернулась к Перетти. Маленькая изящная женщина оказалась перед разъяренным мужчиной.

– Ты... – только и сумел прорычать Перетти. Разум все плотнее затягивала багровая пелена. – Уйди с дороги, женщина...

Брат Иосиф медленно, шаг за шагом, так, чтобы не привлечь к себе внимание, заходил Сиксту за спину. Краем глаза заметив, что маркиз поднимается с пола, кривясь от боли

в вывихнутой руке, и тянется к стилету за отворотом ботфорта, Юлия негромко, но совершенно четко произнесла:

– Успокойтесь, Ваше Святейшество, – остатки холодной воды из кубка, выплеснутые ему в лицо, были призваны немного остудить пыл Святейшего Отца. Брат Иосиф выругался от досады – он не успел. Действие Юлии Перетти воспринял как помеху на пути к жертве. Ее спасло только то, что в финале своего падения она оказалась не на гранитном полу, а на той самой софе, с которой недавно с трудом поднялась. Взмах руки в белом рукаве со стороны показался легким, но следуя его движению, хрупкая преграда в лице женщины была сметена с пути. Широко шагнув, Перетти помог маркизу подняться и вновь зависнуть на краткое мгновение без опоры под ногами, но только для того, чтобы вновь повергнуть противника на пол. Со стороны Юлии хорошо был виден и замерший у стены монах, и теперь уже значительно медленнее приходящий в себя маркиз, и Папа, от которого исходили волны ярости. Сморгнув кровь из рассеченной брови, маркиз обнаружил, что над ним возвышается Святейший Отец. Впрочем, на священника разъяренный Перетти был похож меньше всего. Он оскалился и, будто перед алтарем, упал коленом на грудь врага. Полы белой сутаны накрыли маркиза. Перстень рыбака несколько раз впечатался в искаженное болью лицо. Тут к Перетти со спины подоспел иезуит. Три точных жестких прикосновений пальцами к шее и ключицам понтифика, и на Анри, маркиза Ла Платьер, безвольно свалилось тяжелое тело Сикста.

Юлия с молчаливым ужасом смотрела на две неподвижные фигуры в центре комнаты. Шагнув вперед, она опустилась на колени рядом с мужчинами, попыталась развернуть Перетти, уложить его на спину, понять, жив ли он. Охваченная смятением, Юлия почти не осознавала происходящее.

– Оставьте, синьора, – холодный решительный голос брата Иосифа разительно отличался от того, каким его уже слышала маркиза. В руке монаха тускло блеснуло лезвие кинжала ее супруга.

– Вы собираетесь убить его и оставить меня здесь с мертвым мужем и мертвым Папой?

Маркизе все-таки удалось сдвинуть тяжелое тело в сторону, и Перетти раскинулся на спине рядом с окровавленным телом маркиза.

– Дайте мне сделать то, зачем я пришел сюда, и мы уйдем вместе.

– Вам не стоит пачкать рук, – женщина не сдвинулась с места.

– Не вам беспокоиться об их чистоте. Отойдите, синьора. Лучше вот, – монах поставил на стол, чудом оставшийся стоять в разгромленном кабинете, пузырек с темной жидкостью, – выпейте, чтобы нейтрализовать яд.

– Нет, – коротко ответила Юлия, лишь проводив взглядом флакон, принесенный монахом. – Перетти я вам не отдам, он мне еще нужен. Он должен отдать сына, а потом он умрет. Но я сделаю это сама.

– Поздно. Теперь уже решать не вам. Отойдите. Или я оставлю здесь еще и ваше тело.

Брат Иосиф говорил ровным спокойным голосом, вот только от этого спокойствия веяло могильным холодом.

– Вы предоставили мне случай. Так воспользуйтесь же моей благодарностью, – он взглядом указал на противоядие, – и не мешайте.

Иезуит, не скрывая намерений, шагнул к распростертому на полу Папе. Следующее его движение остановил звонкий детский голос:

– Кто вы?

Юлия, сразу забыв про монаха, про Перетти и вообще про все, обернулась на голос:

– Бенвенуто?!

В студиоло Сикста на пороге неприметной двери, открывшейся возле камина, стоял мальчик в лиловой епископской сутане. Серьезные черные глаза осмотрели царящий в кабинете беспорядок и наткнулись на бесчувственную фигуру в белом. Первым порывом было подбе-

жать к человеку, знакомое лицо которого сейчас было таким чужим и безжизненным. Но стоящий рядом со Святым Отцом монах пугал мальчика. Бенвенуто ди Менголли монсеньор Монтальто, до недавнего времени племянник, а со вчерашнего дня – сын Феличе Перетти, замер у самого выхода. Вот теперь челюсти брата Иосифа двинулись, выдавая его истинные чувства. Он развернулся к ребенку, забыв, что сжимает в руке кинжал. Глаза Бенвенуто расширились от ужаса.

– Нет! – закричала Юлия. – Бенвенуто, уходи.

Он непременно убежал бы обратно, если бы мог. Но странный завораживающий взгляд льдисто-серых глаз иезуита приковал его ноги к полу. Глядя прямо на маленького епископа иезуит пошел вперед, к открытой двери тайного прохода. В последний момент Бенвенуто отскочил с его дороги. На белом от страха лице выделялись только угольки глаз, по краю сознания остро скользнуло брошенное монахом проклятие на испанском наречии. После того, как мужчина скрылся в темноте перехода, мальчик еще какое-то время смотрел туда. Но, очнувшись, кинулся к колесу на боковине камина и начал изо всех сил крутить его. Получалось плохо, медленно, но Бенвенуто остановился только тогда, когда не смог больше сдвинуть поворотный механизм ни на йоту.

Юлия вновь опустилась около Перетти, пытаясь нащупать пульс и уловить его дыхание, лишь краем глаза следя за перемещениями маленького епископа.

– Что со Святым Отцом? – осторожно спросил Бенвенуто.

– Я могу только сказать, что он жив, – маркиза посмотрела на мальчика снизу вверх, и ей показалось, что она узнает его, что знала всегда. Черные смоляные волосы, глубокая чернота глаз, тоненькая мальчишеская фигурка. – Вы монсеньор Монтальто?

– Подождите, синьора, я позову кого-нибудь.

Стараясь не поворачиваться к незнакомке спиной, Бенвенуто пробрался к двери, попытался нащупать ключ. Юлия тем временем добралась до стола и вернулась к лежащему на полу Папе с остатками вина в кувшине. Смочила вином виски мужчины, брызнула на лицо. Потом не громко и спокойно проговорила:

– Ваше преосвященство, мне кажется, лучше дать Его Святейшеству прийти в себя. Пусть он сам решит, что делать дальше. Помогите мне, давайте попробуем уложить его на диван.

Бенвенуто не ответил. Он был занят поиском затерявшегося ключа. Наконец, в руках мальчика оказался обрывок шнура, но ключа на нем не было. Он исчез вместе со страшным монахом. И в переход сейчас идти не стоило. Механизм закрыл одни двери лабиринта и открыл другие, ведущие в тупики или к провалам в полу.

Юлия какое-то время ждала ответа мальчика, наблюдая за ним, потом вновь вернулась к Перетти, осторожно растирая ему виски и ладони, прислушиваясь к едва заметному дыханию.

– Ваше преосвященство, а еще какой-то выход из этой комнаты есть? Чтобы позвать на помощь.

– Теперь нету, – буркнул Бенвенуто и вдруг, не скрывая злых слез на глазах, попытался приказать: – Отойдите от Святого Отца!

Брови Юлии изумленно дрогнули, но она успела взять себя в руки.

– Я стараюсь ему помочь, но, если вы приказываете... – она пристально посмотрела на юного епископа, чуть склонив голову к плечу. Спокойно, почти ласково.

– Если сейчас мы не можем выйти отсюда, нам придется ждать, пока кто-то не придет за нами. И лучше, если Его Святейшество очнется.

– Отойдите, – упрямо повторил епископ. – Подальше.

– Хорошо, – понимая, что мальчик и так напуган, Юлия решила не спорить. Тем более что от ее попыток помочь состояние Папы никак не менялось. Она поднялась на ноги и отошла к окну.

– И что мы теперь будем делать, монсеньор?

Она старалась говорить спокойно и серьезно, хотя больше всего ей хотелось схватить маленького прелата в объятия, почувствовать его еще детский запах, мягкость волос. Однако она боялась напугать его до истерики. Бенвенуто проследил за ее передвижением. Только сочтя расстояние, разделившее их, достаточно безопасным для себя, осторожно, приподняв подол сутаны, переступив капли крови и ногу мертвого маркиза, приблизился к отцу. Мальчик присел рядом и взял Перетти за руку:

– Святой Отец...

Рука была теплой, но безвольной и такой мягкой, какой никогда еще не бывала. Даже тогда, когда отец невзначай проводил по ее по голове Бенвенуто. Мальчик закусил губы, чтобы не расплакаться перед чужой женщиной. Вдруг это она причинила вред отцу! Но больше помочь было некому.

– Синьора, у вас есть шпилька?

Юлия подняла руки к волосам и только тогда вспомнила, что все шпильки остались где-то во вчера и в замке Святого Ангела на соломенном тюфяке. По лицу скользнула гримаска сожаления и смущения, когда женщина осознала, как неприглядно сейчас выглядит. Она чуть прикусила нижнюю губу, задумавшись, и через мгновение почти улыбнулась:

– Шпилек, увы, нет... Есть вот это, – она присела, чуть приподняв подол платья. К самому подолу с изнанки была прикреплена булавка. Привычку цеплять булавку на подол Юлия приобрела еще в юности, поверив, что это спасает от сглаза и преследования. Через мгновение она показывала булавку юному лекарю.

– Дайте, – скомандовал тот, но, чуть помедлив, добавил, – пожалуйста.

Юлия осторожно сделала несколько шагов к лежащему Папе и мальчику, стоящему на коленях рядом с ним. Так же осторожно и стараясь не делать резких движений, протянула на раскрытой ладони булавку сыну.

Он протянул руку, готовый в любой момент отдернуть ее. Взял предложенное и неожиданно учтиво проговорил:

– Благодарю, синьора.

Отец учил в любой ситуации оставаться предельно вежливым. Это, говорил он, сбивает врагов с толку. А еще, однажды синьор Перетти сказал, что лучшее средство от обморока – боль. Если вдруг не оказалось под рукой нюхательной соли. Бенвенуто нахмурился, решая куда лучше уколоть Сикста.

«Лучший способ вернуть сознание – боль», – давным-давно учил епископ Перетти рыжую воспитанницу, но она так и не поверила в это, а не поверив – забыла. Сейчас воспоминание вспыхнуло искрой в сознании, и маркиза почти сразу поняла, что собрался делать мальчик-епископ.

– Однажды я вогнала иглу под ноготь, когда вышивала. Так больно мне не было никогда в жизни, – задумчиво, словно сама себе проговорила она.

При первых звуках голоса женщины Бенвенуто повернулся к ней. Когда до мальчика дошел смысл сказанного, глаза его распахнулись от изумления. Он резко отвернулся, зажмурился и воткнул иглу.

То, что произошло дальше, слилось в единое движение. Укол пришелся в предплечье, ближе к внутренней стороне руки. Перетти содрогнулся всем телом. И вот уже Бенвенуто лежит на спине, прижатый дикой силой к полу, а над ним полыхают бешенством глаза отца.

– Нет! – прежде, чем отзвенело эхо вырвавшегося у женщины крика, она, словно кошка, метнулась к лежащим на полу мальчику и мужчине, всем весом своего тела и силой инерции броска стремясь оттолкнуть Папу от распластанного на полу ребенка. – Не трогай его!

Боль от укола уже проникла в сознание Перетти, и, застывшая от манипуляций иезуита, багровая пелена начала спадать. Взгляд постепенно прояснился.

– Господь всемогущий... Бенвенуто, мальчик мой... Ты цел?

– Да, отец, – настороженно, высоким голосом ответил епископ и шевельнул плечами, которые все еще удерживал Папа.

Перетти сгреб в охапку мальчика и попытался встать, но страшная слабость и головокружение едва не бросили его обратно. Феличе замер, тяжело дыша, но не выпуская сына из рук.

Глаза женщины, смотревшей на эту сцену, застилали слезы. И еще ощущение, заставлявшее неметь пальцы, сжимало горло и холодом охватывало сердце – у этого ребенка есть отец, но уже никогда не будет матери. В этих отношениях ей нет места. И вряд ли будет. Юлия понимала, что время отсчитывает последние секунды тишины, возможности видеть своего сына и его отца вместе, чувствовать, насколько они близки друг с другом, и вопреки разуму быть почти счастливой. Сейчас Папа поймет, что они с Бенвенуто в комнате не одни. Не желая быть застигнутой за подглядыванием, Юлия шагнула к столу, дотянулась до пузырька с противоядием, оставленным монахом.

– Вы можете отпустить меня, Святой Отец, – проговорил Бенвенуто. – Я сам.

– Ты точно в порядке, Венуто? Я ничего тебе...

– Нет! Со мной все хорошо.

Перетти привстал на одно колено, усадил на него мальчика, но выпустил его только убедившись, что у того все цело. Следующим усилием Перетти поднялся на ноги. К общей противной слабости добавилось ощущение боли и неудобства в спине. Перетти застонал, выпрямляясь, и тут его внимание привлекло движение сбоку. Мгновенно сжались сбитые кулаки, и он повернулся. У стола, спиной к нему стояла какая-то женщина. Невысокая. В порванном, измятом платье. С золотисто-медными волосами.

– Синьора Ла Платьер...

– Она так и не представилась, отец. Хотя я просил, – Бенвенуто сосредоточенно расправлял свою епископскую сутану.

Спина женщины напряглась, словно от двух ударов. Юлия могла поклясться, что юный епископ ни разу не спросил ее имени! Она сжала в руке пузырек с темной жидкостью и повернулась, склоняя голову:

– Ваше Святейшество. Монсеньор Монтальто.

Спокойный, теплый взгляд женских глаз скользнул по лицу и тонкой фигурке юного епископа, и поднялся к лицу Папы – такой же спокойный, он словно замерзал, покрываясь льдом отстраненности.

Сикст осмотрел свой любимый студиоло. Вряд ли он останется таковым. В центре, неловко согнув ноги, лежал маркиз. Его лицо представляло собой ужасную кровавую маску. Перетти безразлично поморщился.

– Монсеньор, что здесь происходило, когда вы пришли?

Услышав привычный ровный строгий тон Святейшего Отца, Бенвенуто подобрался, как солдат встал по стойке смирно и заговорил:

– Вы, Святой Отец, лежали на полу, без чувств, рядом с этим... синьором. А эта синьора... Ла Платьер спорила с каким-то монахом.

– О чем?

– Не знаю, Святой Отец.

– Потом?

– Потом он... – Бенвенуто запнулся, вспомнив страшные ледяные глаза иезуита, – ушел нашим путем. А я повернул колесо, как вы учили.

– Дальше.

– Я хотел открыть двери, но ключ пропал. И мы оказались здесь запертыми.

Чем дольше говорил мальчик, тем выше поднималась голова женщины с растрепанными волосами, в помятом платье. Ребенок не говорил ни слова лжи. Но почему маркизе вдруг показалось, что она слышит о событии, произошедшем без ее участия?

Глаза Перетти вдруг потеплели. Он почти улыбнулся, глядя на Бенвенуто:

– Сын мой, ты... вел себя очень храбро. Ты спас меня, понимаешь? Я горжусь тобой и благодарю Господа за то, что он даровал мне тебя.

Лицо мальчика засветилось от восхищения и осознания своей важности. Но он глянул на маркизу и проговорил:

– Синьора Ла Платьер дала мне булавку.

Перетти лишь как-то судорожно двинул бровью:

– Я поблагодарю и ее... Позже. А сейчас, сын мой, возьми в верхнем ящике моего стола второй ключ и приведи сюда своего наставника – кардинала Карреру. С ним я поговорю о вашем наказании, монсеньор Монтальто. За то, что в столь поздний час вы не были в своей постели. И еще, сын мой, пусть монсеньор позовет сюда командира моих швейцарцев. Ступай.

Побледневшие губы женщины сжались в тонкую линию, побелели костяшки на сжатых в кулаки – так, что ногти впились в ладонь – пальцах. Лишь в глазах отражался отчаянно бьющийся в груди крик: «Феличе! Бенвенуто! Я родила его тебе... Я твоя мать!» Но чем отчаяннее был неслышный крик, тем теснее сжимались зубы, и глубже впивались в ладонь ногти. Рядом с этими двумя не было места для третьей.

Перетти проводил взглядом маленького епископа и повернулся к маркизе. Выложившись физически и эмоционально в безумной схватке, сейчас он не испытывал к этой женщине ничего. Лишь страшную усталость и, может быть, совсем немного, разочарование.

– Вы же понимаете, что теперь я должен отдать вас в руки правосудия? Вас просто казнят на площади.

Она молча склонила голову, признавая его правоту. Или для того чтобы он не смог прочесть так и не высказанные слова в ее взгляде. Но уже через мгновение Юлия вновь смотрела в его глаза:

– Это ваше право.

– Я знаю! – раздраженно проговорил он.

Папа попытался рассмотреть свою спину, впрочем, вполне безуспешно, досадливо поморщился.

– Ну? Вы добились того, чего хотели? Увидели сына... Дискредитировали мою охрану... Испортили любимый кабинет... Избавились от нелюбимого мужа...

Брови женщины дрогнули, на лице проступило упрямое и, одновременно, печальное выражение:

– Увидела, – проговорила она вслух, а про себя подумала: «Только он так и не узнал, кто я...»

– Уж простите, не представил вас. Как-то неуместно показалось. У мальчика сложилось бы странное впечатление о том, что такое любящая мать.

– Зато вы показали себя прекрасным любящим отцом, – непонятно было, говорит она серьезно или издевается.

– У нас с Бенвенуто было только два года, чтобы узнать друг друга... Кстати, почему же вы до сих пор не поинтересовались, кто воспитывал мальчика до этого?

Юлия на мгновение опустила глаза, решая, признаться ли в том, что она давно и пристально следила за жизнью сына. Потом глубоко вздохнула и ответила:

– Потому что я знаю о донне Виктории.

Он изумленно поднял брови:

– Но тогда... Что же мешало вам увидеть нежно любимого сына в течение, – он задумался, подсчитывая, – трех лет после бегства из монастыря?!

– Я была больна! – не говорить же ему, что она не хотела, не могла жить, что уж говорить о поездках куда-то.

Он усмехнулся, явно не веря ей.

– Я еще узнаю, кто помог вам покинуть стены монастыря, и как вы смогли женить на себе этого безумца, – пообещал Перетти.

Внезапно он шагнул к маркизе, лицо его вновь стало суровым, обвиняющим:

– Откуда вы знаете этого иезуита?

– Я его не знаю. Он сам нашел меня.

– В том притоне, куда вы выманили меня своей просьбой?

– Да.

Перетти зло выругался – мысли о монахе-убийце частично вернули ему силы.

– Воистину, на ловца и... любящая мать бежит. Ну, ничего... Поверьте, вашему супругу крупно повезло.

Юлия невольно проследила взглядом за указующим жестом Перетти: «Прости, Анри», – и замерла, заставив расслабиться напряженное лицо. Она не сводила с Перетти взгляда, внимательного, но чуть отстраненного и в нем мерцающими огоньками свечей то проступали, то вновь скрывались отблески воспоминаний – при узанном движении, не забытом за много лет выражении лица. Казалось, женщина превратилась в статую – так неподвижно, почти не дыша, она стояла перед мужчиной.

Папа повернулся на шум. В кабинет входил его командир швейцарцев, следом шел кардинал Франческо Каррера.

– Ваше Святейшество! Что здесь произошло?! – с сильным акцентом воскликнул полковник.

– Измена, синьор Брунегг! На нас было совершено покушение, а ваших людей рядом не оказалось.

Полковник побледнел. Для гвардейца обвинения страшнее не существовало. Когда Йост смог снова заговорить, его акцент сделался совершенно невыносимым.

– Ваше Святейшество, я все выясню!

Перетти доверял своему полковнику и не сомневался, что после произошедшего тот вскроет всю подноготную этого дела.

– Мы надеемся на вас, синьор Брунегг. Вот эта женщина – свидетель того, что тут происходило. Допросите ее и не выпускайте пока из дворца. До нашего особого распоряжения!

– Слушаюсь, Ваше Святейшество. Идемте синьора.

Монсеньор Каррера держался во время разговора Папы с гвардейцем в стороне. Это помогло ему совладать с волной чувств, когда он увидел свою давнюю испанскую знакомую. Каррера перевел взгляд на неподвижно лежащего на полу мужчину. Лицо его было обезображено, но кардинал догадался, что это супруг стоящей в покоях Папы женщины. Руки кардинала задрожали, когда он понял насколько близок к разоблачению.

Юлия бросила на вошедших мужчин короткий скользящий взгляд – что ей до них и им до нее? Но тут же ее взгляд стал пристальным, маркиза с трудом удержала удивленный возглас – в одном из вошедших она узнала человека, помощь которого так пригодилась ей в Испании. С этого момента она старалась поймать его взгляд, ощущая, как оживает совершенно безумная надежда на помощь. Кардинал старательно отводил глаза, сжимая холодеющие от волнения пальцы. Но это его не спасло. Перетти как раз посмотрел на Юлию, когда говорил о ней полковнику, и выражение ее лица показалось ему странным. Не прерывая разговора, Папа проследил за взглядом маркизы. С еще большим изумлением, быстро превращавшимся в подозрение, увидел, что он направлен на кардинала Карреру.

Юлия чуть прикусила губу и тут же расслабилась, осознав, что почти никакой надежды у нее не остается. Из пальцев женщины выскользнул пузырек, который она давно взяла со стола

и уже забыла про него, и разлетелся на осколки на каменном полу. Феличе задумался, глядя на маленькую лужицу, растекшуюся по полу, повел носом, улавливая запах травяного настоя.

– Уведите синьору Плесси-Бельер, полковник. Монсеньор, – обратился Папа к кардиналу Каррере, – мы с вами пройдем в другое место.

Перетти иронично усмехнулся, заметив, как кардинал вздрогнул при этих словах и, помедлив, добавил:

– В покои епископа Монтальто.

Юлия перевела взгляд на Святейшего Отца, и только сейчас до маркизы начало доходить, что ее не поведут сразу отсюда на плаху. Она неожиданно осознала, что Перетти назвал ее не участницей, а свидетельницей произошедшего, и взгляд синьоры невольно вновь обратился к мертвому телу мужчины, который был ее мужем. Нелюбимым. Нежеланным. Иногда вызывавшим жгучую досаду и злость своими немотивированными приступами ярости, привычкой начинать вздорить из-за каждого пустяка. «Как он узнал, что я не любила Анри?» – неожиданно мелькнула в голове совсем нелепая и неуместная мысль.

– Синьора, идемте, – настойчиво, уже явно не в первый раз повторил полковник Брунегг.

– Teufel! – забывшись, воскликнул гвардеец.

Папа, махнув Каррере, первым пошел к дверям. Белая спереди, на спине сутана, от пояса и ниже, была алой от крови, и виднелась длинная резаная рана, оставленная кинжалом маркиза в пылу схватки. Юлия, уже подчинившаяся приказу солдата и направившаяся к двери, проследила за его взглядом. И почувствовала, как земля плавно качнулась под ногами. Женщина судорожно ухватилась за руку гвардейца, чувствуя, что сейчас лишится сознания. Она не боялась вида крови. Ей стало плохо, как только она увидела кровь Феличе и представила, как ему должно быть больно.

– Что случилось? – раздраженно повернулся на возглас Святой Отец. Но этот резкий разворот стал для него роковым. Кабинет, полковник, женщина рядом с ним – все закачалось и поплыло куда-то по кругу. Каррера тоже обернулся, взгляд зацепился за спину Папы. Теперь стала понятна пепельная бледность на лице Сикста. Размышлять кардиналу было некогда – прямо на него валилось тело Святейшего Отца. Удержать его у невысокого монсеньора шансов не было. Все, что смог сделать Франческо – это поддержать и не дать рухнуть Перетти со всего его немалого роста. Свое плечо, чтобы Святейший вновь не оказался на полу, хотела подставить Юлия, бросившаяся было к Перетти.

– Врача, нужен врач!

Но тут полковник доказал, что охрана Его Святейшества все-таки чего-то стоит. Движение Юлии было довольно грубо остановлено:

– Стойте здесь, синьора, – велел синьор Брунегг.

Резкая команда на родном языке, и на пороге уже два гвардейца. Дюжие швейцарцы с легкостью подхватили Сикста.

– В опочивальню. Монсеньор, я прошу вас привести лекаря.

– Да, конечно, синьор Брунегг.

Каррера бросил короткий взгляд на Юлию и скрылся в коридоре.

Юлия предпочла замереть там, где ей приказал остаться начальник стражи, не отрывая взгляда от восково-бледного лица Феличе.

– Идемте скорее, синьора! – поторопил ее Йост, жалея, что не может последовать за своими людьми и Его Святейшеством.

Маркиза молча повиновалась, и, не оглядываясь более, вышла из студиоло. Она чувствовала, как накатывает волна безумной усталости и апатии, желание уснуть и хоть на время забыть все, что произошло.

Брунегг привел синьору Плесси-Бельер, как ее представил Папа, в крыло швейцарской гвардии, где были специальные комнаты для всякого рода арестованных и задержанных. Полковник выбрал ту, что была лучше обставлена, в ней был даже камин, и провел туда свою подопечную.

– Устраивайтесь, синьора. Позже я приду к вам, чтобы задать вопросы.

Йост коротко кивнул и вышел. В двери щелкнул замок.

Маркиза осмотрелась, подумала, что здесь намного уютнее, чем там, где она провела предыдущую ночь. И намного теплее. Обнаружив на столе кувшин с водой, напилась, и с трудом добравшись до узкой жесткой постели, буквально провалилась в глубокий, но тревожный сон. Однако долго спать Юлии не пришлось. Она открыла глаза и тревожно вскинулась, когда почувствовала, что ее бесцеремонно трясут за плечо:

– Синьора, поднимайтесь! Скорее!

– Кто вы? – отшатнулась к стене Юлия, спросонья не узнав человека в плаще и капюшоне. Мужчина нетерпеливым движением сдвинул ткань с головы:

– Поднимайтесь же!

– Монсеньор?!

– Идемте. Пока Брунегг не вернулся... Папа в ярости из-за ранения.

Страх волной окатил маркизу. Слишком свежи были воспоминания об этом состоянии Феличе Перетти.

– Идемте со мной, синьора. Я отвезу вас в безопасное место, – продолжал убеждать ее кардинал Франческо Каррера. «И где вы не сможете раскрыть Сиксту меру моего участия в вашей судьбе...» – подумал монсеньор, но, конечно, этого он не сказал вслух.

– Но... Папа сказал, что я лишь свидетель, – неуверенно проговорила Юлия, поднимаясь на ноги.

– Думаете, ему сложно сменить мнение?!

Кардинал уже накидывал на плечи женщины просторный, скрывший ее до пола, плащ.

– Идемте же! Или вами займутся гвардейцы Его Святейшества! На ком, по-вашему, они сыграются за то, что не сумели охранить Святого Отца от покушения?

И Юлия де Ла Платьер сдалась, подчинившись увещаниям синьора Карреры. Маркиза шагнула к выходу, но тут силы ее оставили – сказались волнения последних часов и последствия яда, еще отравлявшего кровь. Женщина пошатнулась, и кардиналу пришлось подхватить ее под руку.

– Простите, монсеньор... Но я не могу...

– Можете, синьора! Идемте.

Вскоре его преосвященство Франческо Каррера покинул предрассветный Ватикан в сопровождении молодого монаха. До резиденции кардинала карета доехала без приключений, если не считать того, что молодой монах в пути потерял сознание, и в палаццо его пришлось нести на руках.

Вот уже вторые сутки маркиза не приходила в сознание и металась в бреду. Большая часть сказанного ею осталась для Франческо Карреры загадкой, но и понятого хватило, чтобы крепко задуматься. «Что делать теперь?» – вот вопрос, который мучил кардинала. Он уже жалел о проявленном малодушии. Любил ли он сейчас это создание, как это было пять лет назад? И не сочувствие ли двигало им на самом деле? Может быть, в ближайшие дни Сикст не будет искать беглянку: много хлопот с церемонией номинации и праздниками.

Когда Йост Брунегг не обнаружил главную свидетельницу там, где оставил, полковник решил, что на этом его служба и закончится. Один из сыновей рода Брунеггов традиционно поступал на службу в папскую гвардию. И вот на нем – на Йосте Вилле Габелере Брунегге – эта традиция с позором прервется. Йост удалил со своего дублета все знаки полковничьего звания и явился с повинной к Его Святейшеству. Возле постели Папы хлопотал доставленный только что из Остии знаменитый врач Давид Лейзер. Сикст лежал на животе, обнаженный, и Йосту была прекрасно видна длинная косая рана, шедшая поперек спины Святого Отца. Из-за резких движений, которые Папе пришлось совершать в пылу борьбы с маркизом Ла Платьер, края раны сильно разошлись. И не смотря на то, что Лейзеру уже удалось остановить кровь, она представляла собой серьезную угрозу. Давид готовился осуществить «первичное натяжение» – попросту соединить края рассеченной плоти шелковыми нитками. Осознание того, что именно он и его люди стали виной этого, заставило braveго полковника покраснеть.

– Сбежала?! – переспросил Сикст.

– Ваше Святейшество, я знаю, мне нет прощения...

– Прекратите, Брунегг. Ваши причитания ничего не исправят. Найдите виновных. Выясните, почему они оставили свой пост возле наших покоев и накажите. А женщина... Проследите за кардиналом Каррерой. Заметьте что-то подозрительное, доложите. Но не трогайте его. Этим я займусь сам. И приведите свой дублет в порядок, синьор полковник гвардии Святого престола!

Несколько мгновений понадобилось Йосту, чтобы понять, что он оставлен на службе. Брунегг вытянулся в струнку, задержал дыхание, чтобы справиться с затопившим его чувством благодарности и раскаяния, и вдруг рухнул на колено перед Сикстом:

– Клянусь, Ваше Святейшество, я умру, но не допущу более ничего подобного!

Из-за волнения акцент швейцарца сделался совершенно невыносим, а слова малопонятны. Но Папа уловил главное – глубокое раскаяние и благодарность за доверие.

– Я знаю, полковник, знаю, – устало ответил Перетти.

– Ваше Святейшество, – прервал их Давид, – нужно завершить с раной или может произойти заражение. Благословите, Святой Отец.

Врач оттеснил гвардейца и опустился перед Папой на колени, держа в руках моток шелковых ниток, иглу и губку, пропитанную настоем белладонны. Йост тихо вышел из опочивальни Святого отца, не забыв перекреститься и помянуть про себя недобрым словом свято-татцев-евреев.

Все происшедшее той ночью в ватиканском студиоло Папа Сикст приказал держать в строжайшей тайне. Тело маркиза Ла Платьер было запечатано в бочку с ромом и отправлено во Францию родственникам. Обстоятельства смерти Анри, изложенные в кратком послании, сопровождавшем груз, исключали возможные претензии со стороны рода.

Когда его окружила темнота узкого коридора, брат Иосиф решил, что хотя убийство Святейшего Отца и не удалось, все закончилось намного лучше, чем могло бы. Он свободен и, значит, сможет однажды завершить начатое. Затем за его спиной раздался странный звук, словно сдвигались стены, дрогнул пол, и вновь наступила тишина. Монах пошел вперед, держась правой рукой за стену.

...Первым пришло отчаяние. Он не знал, сколько времени бродит в этой молчаливой темноте. Ему казалось, прошла уже вечность. Он не мог поверить, что слухи о существовании лабиринта, из которого невозможно выйти, вдруг обрели плоть. Брат Иосиф кричал и разбил в кровь костяшки на пальцах рук, пытаясь сломать невидимые ему в темноте стены. Он обломал ногти, чудом успев ухватиться за какой-то выступ, когда под ногами вдруг исчез пол. Потом пришел гнев. Но яростные проклятия вязли в насмешливой тишине. Гнев окрашивал

темноту перед глазами в кроваво – красный цвет. На фоне колышущихся алых полотнищ он видел Перетти и медноволосую синьору. Они смеялись. И иезуит вновь задыхался от ярости. Когда тело обессилело от усталости, жажды и гнева, он, распластавшись ничком на каменном полу, раскинув руки в стороны, обратился к Нему. Монах просил дать ему сил и подарить надежду; показать путь и сохранить жизнь. Он говорил до тех пор, пока не начала сочиться кровь из пересохших от жажды, потрескавшихся губ и опухшему языку стало невозможно ворочаться в иссушенном рту. Потом ему стало все равно. Брат Иосиф... Нет, теперь уже просто Фернан Веласко, не знал, шел ли он еще или просто сидел у стены, ощущая ее прохладу спиной. А может уже и вовсе умер.

Потом темнота поблекла, и появилась Она. Первым, что осознал его почти угасший мозг, была нереальная зелень Ее глаз. Прохладная как вода в роднике и режущая как клинок. Вторым в сознание проник другой цвет – переливы меди и золота, струящиеся, согревающие, обжигающие и притягивающие. И вот он увидел Ее всю – от нежных кончиков пальцев на ногах до слегка выюхшихся золотистых кончиков волос. Его взгляд не мог оторваться от небольших округлых упругих грудей с сосками цвета роз, от лона, покрытого мягкими золотистыми завитками, от перламутрово светящихся бедер, от тонких запястий и гибких чувственных пальцев, которые вдруг скользнули по его губам, коснулись резко очертившейся от нахлынувшего желания ямки под кадыком. Каплями прохладного и одновременно обжигающего, как расплавленный металл, дожда прикосновения скользнули вниз по обнаженной (почему?!) груди и коснулись отяжелевших от греховного желания чресел. Он вытянул руки, чтобы схватить Ее. Зачем? Оттолкнуть? Притянуть еще ближе к себе? Но Она ускользнула. На алых сочных губах расцвела призывная улыбка. Он видел, как Ее руки скользят по напряженным соскам, по нежному животу. Видел, как женское тело выгибается в непристойном откровенном наслаждении, когда тонкие пальцы касаются лона, лаская, проникая все глубже. Он видел, как напрягается ее тело от ласк, как твердеют соски, как лоно становится влажным от истекающего сока. Слышал, каким прерывистым становится Ее дыхание. Он протягивал руки, чтобы прикоснуться к Ней. Кончики его пальцев уже чувствовали тепло шелковой кожи, он был уверен – еще совсем немного и Она будет его. Ее тело будет изгибаться от каждого его толчка. Она будет кричать, когда он будет брать ее снова и снова... И опять эта зовущая улыбка на губах и легкий смех, снова тяжелое от страсти дыхание, снова стон удовольствия. И снова Она ускользнула от его рук. Он чувствовал ее тепло и пряный запах разгоряченного женского тела, слышал стоны страсти и неровное дыхание. В тот момент, когда женщина содрогнулась всем телом, достигнув пика удовольствия, он с тяжелым хриплым стоном излился семенем. Последнее, что помнил Фернан – изумрудный острый блеск глаз и победный звонкий смех.

Брату Иосифу показалось, что он пролежал в бесчувствии очень долго. Но когда он поднял тяжелую голову, внизу, под разодранным хабитом, было еще тепло, влажно и липко. Сначала он зарычал, как попавшийся зверь на хозяина капкана. Потом Фернан снова кричал, но теперь беснуясь в бессильном гневе на Него – оставившего, не защитившего. И расхохотался, когда на веках закрытых глаз увидел Ее образ, но не с зелеными, а с янтарно-золотистыми глазами, глазами цвета горного меда.

– Блудница и дьявол! – повторял он в исступлении, пока сон, а скорее беспамятство, не накрыл его милосердным тяжелым пологом.

...Много позже в темноте снова проступили очертания золотых, теперь отливающих пламенем на ветру, волос. Брат Иосиф не видел лица, но знал, что это вернулась Она. Длинное, скрывающее фигуру, белое одеяние мерцало во тьме. Но в этот раз Ее шаги были спокойными и уверенными, – так подходит судьба. И сейчас у него уже не оставалось сил бороться.

– Теперь ты мой, – женский голос отразился от стен, и вернулся, преобразившись мужским, наполненным спокойной силой и уверенностью в истинности сказанного.

Выбирая между смертью и служением, Фернан выбрал второе. Но, даже чувствуя, что его подняли и несут куда-то, он мучительно пытался понять, кому – рыжеволосой ведьме с то ли янтарными, то ли зелеными глазами или мужчине в белом одеянии Папы – отдал право на спасение своей жизни, право на владение своей душой.

Глава 4

С момента бегства маркизы Ла Платьер прошло несколько дней.

В дальних покоях дома монсеньора Карреры на постели беспокойно спала женщина. Она проснулась как-то вдруг, словно ее что-то испугало. Маркиза прислушалась. Тишина. Совсем не такая, как тишина подвала – уютная, мирная. Юлия попыталась вспомнить, как оказалась в этой комнате. Каррера, Франческо Каррера. Человек, с которым вышние силы свели ее в монастыре клариссинок-коллетанок в Мадриде. Он помог узнице не только бежать, но и начать новое восхождение, итогом которого стало замужество за маркизом Ла Платьер, обретение богатства и возможностей – прежде всего, отомстить человеку, предавшему ее любовь, лишившему сына и свободы на долгие годы. Едва она погрузилась в воспоминания о Феличе Перетти, дверь в опочивальню открылась, и на пороге появился человек в сутане. Затуманенное слабостью сознание затопила паника – он здесь, он нашел ее. Но в следующий миг мягкий голос хозяина дома развеял тревогу.

– Синьора, – проговорил он, – вы уже проснулись?!

Маркиза вздохнула с облегчением и прикрыла глаза:

– Это вы, мой добрый ангел, – но вдруг резко поднялась. – Монсеньор, я должна уехать. Папа догадается, кто помог мне.

– Тише, маркиза. Сегодня вечером вы уедете, а пока прошу вас, оденьтесь, – он поцеловал ее руку и позвонил в колокольчик – в комнату вошла девушка и замерла у дверей.

– Она поможет вам, синьора Юлия.

– Ваше преосвященство, вы дважды спасли меня. Я в долгу перед вами.

Юлия попыталась подняться, но тут же упала снова на постель и застонала: от слабости закружилась голова.

– О, нет-нет, – Каррера помог ей устроиться на подушках. – Я вижу, вы еще совсем слабы. Завтрак принесут сюда.

Монсеньор расположился на стуле с высокой спинкой возле небольшого круглого стола.

– Кто-нибудь знает обо мне? Я не могу подвергать вас опасности. Я должна... – она замерла, прислушиваясь. – Сюда идут!

– Успокойтесь! Юлия, вам нельзя волноваться. Никто не войдет сюда. Вам показалось.

– Ступай, милая, – обратился он к служанке. Когда девушка вышла, Каррера повернулся к маркизе, несколько мгновений задумчиво смотрел на нее, потом покивал своим мыслям и пробормотал:

– Ну, хорошо.

Монсеньор скрылся за гобеленом, висящим в изголовье постели. Несколько манипуляций, и пол спальни пришел в движение: подиум, на котором стояла постель Юлии, стал опускаться вниз.

– Не бойтесь. Я спущусь к вам следом.

Скоро кардинал вошел в нижнюю комнату, а с ним двое слуг с большими подсвечниками. Стало светлее. Но беспокойство и страх не оставляли маркизу:

– А вдруг он уже знает? Почему, Господи? Ну почему я должна умереть?

В это время хозяина дома нетерпеливо ожидал гонец из Ватикана.

– Здесь вы спрятаны еще лучше. Вашу одежду служанка принесет. Отдыхайте и набирайтесь сил. А сейчас я должен идти.

Каррера направился к себе. Вскоре слуга привел в студиоло посланца из Апостольского дворца. От него кардинал узнал, что Папа пожелал с ним встретиться после обеда. Франческо вернулся к Юлии.

– Синьора, я покажу вам ход отсюда, он ведет в сад, а там, через калитку можно выйти в соседний квартал. Воспользуйтесь им, если к вечеру я не вернусь, – он поднес ее пальчики к губам, согрел их дыханием и сразу отступил.

– Франческо, вы не должны... Я буду ждать вас.

В Апостольском дворце монсеньора Карреру проводили в кабинет Святого Отца. Сикст сидел за столом и как будто спал, опершись головой на руку. Монсеньору пришлось довольно долго ждать, пока Его Святейшество соизволит заговорить.

– Кардинал, мы благодарим вас за воспитание Бенвенуто.

– Я лишь исполнял свой долг, – склонившись в низком поклоне проговорил кардинал.

– Бенвенуто хорошо себя вел на церемонии. Его матери все понравилось?

– Я не знаю, – Франческо неопределенно дернул плечами, – возможно. Для чего вы меня вызвали?

Папа пристально посмотрел на осмелившегося дерзить. И, не сводя с него пристального тяжелого взгляда, пророкотал:

– Нам хотелось бы знать, как чувствует себя маркиза Ла Платьер!

На застывшем лице кардинала порозовели щеки, но он постарался говорить спокойно:

– Вы ее нашли, Святой Отец? Смею предположить, ей сейчас не очень хорошо.

– Я уверен, что тебе это очень хорошо известно! – не сдержавшись, Перетти вскочил со своего кресла.

– Ваше Святейшество, вы считаете, что я...

– Ты вынуждаешь меня сказать – я знаю! – тяжелый кулак обрушился на стол, отчего тяжелый подсвечник покачнулся.

– Она была у меня, – неожиданно легко согласился монсеньор, – но маркиза странная женщина... Не успела немного прийти в себя, как сбежала.

Некоторое время Сикст смотрел на Франческо, подозрительно сузив глаза. Кардинал бес-трепетно выдержал этот взгляд.

– Друг мой, – Папа вдруг расцвел в улыбке и сменил тон разговора, – у меня сегодня свободный вечер. Я навещу тебя после вечерней службы. Посидим как в старые времена. До встречи.

От этой улыбки у Франческо Карреры по спине прошелся холод. Там, в Мадриде, будучи легатом, он в большей степени принадлежал себе, а потому мог совершить необдуман- ный поступок – укрыть беглянку, помочь очаровавшей его юной женщине. Но здесь и сейчас у мон- сеньора Карреры было слишком много обязательств и планов.

Кардинал вернулся вовремя. Но, чем ближе время подходило к вечеру, тем мрачнее он становился. В конце концов, приняв решение, синьор Франческо вошел к Юлии:

– Маркиза, вам нужно собираться.

– Что случилось? О чем вы говорили с Его Святейшеством?

Франческо молчал, закусив губу, стоя на пороге комнаты в нерешительности.

– Почему вы молчите?! – прокричала маркиза.

– Синьора Юлия! Успокойтесь. Сегодня он будет здесь, – Франческо остановил ее движе- ние. – Сейчас вы отправитесь на мою старую виллу. Там вас никто не найдет. Прошу, не зада-

вайте больше вопросов. Дорога каждая минута. Я навещу вас вскоре и все объясню. Хотите увидеть сына? Он сегодня будет в городе, на вечерней службе.

Каррера улыбнулся, но удивленно вскинул брови в ответ на резкое:

– Нет!

Маркиза в смятении прикрыла глаза рукой:

– Не надо. Это лишит меня мужества. Я не смогу уехать. Мне очень страшно. Я боюсь его. Опять бежать, скрываться, – она спрятала лицо на груди монсеньора и заплакала.

– Франческо, защити меня.

– Не бойтесь, – он прижимал ее к себе, гладил вздрагивающие от рыданий плечи, волосы, но взгляд его был далеким и каким-то усталым. Юлия глубоко вздохнула, чтобы успокоиться.

– Ну, вот, так лучше, – Франческо отстранился, заглянул ей в лицо и чуть улыбнулся. – Позвать служанку помочь вам одеться?

– Нет, благодарю. Я справлюсь.

Кардинал проводил маркизу к карете, еще раз на прощание коснулся губами ее руки и приказал кучеру ехать. Уже глядя из окна кареты Юлия успела сказать:

– До свидания! Берегите себя, монсеньор.

Проезжая по улицам, маркиза заметила, что карета направляется не к городским воротам, а к папскому дворцу. Высунувшись из окна, она прокричала кучеру:

– Куда вы меня везете?!

– Туда, куда приказал монсеньор.

Она попыталась выскочить, но рядом с каретой появился всадник в строгом черном пурпуэне.

– Нет! Каррера! Предатель!

Глава 5

Папа Сикст сошел с трона и, раскрыв объятия, шагнул навстречу склонившейся в глубоком поклоне синьоре:

– Донна Виктория! Осталась все той же скромницей? – он рассмеялся. – Ну же, поднимись, дочь моя.

– Ваше Святейшество, – высокая, стройная черноволосая Виктория де Бюсси, вдова герцога Миланского, вторая супруга Хуана де ла Серда, шестого герцога де Мединасели, подняла на Сикста улыбающиеся глаза.

– Не притворяйся! Твое бегство из Вальядолида очень смелый, но безрассудный поступок. Я с большим трудом разрешил ситуацию.

– Мне повезло, что король пригласил герцога на охоту и велел явиться с супругой. Иначе меня так и держали бы взаперти. Я не сделала бы этого, если бы не была уверена, что вы обратите мое преступление на пользу себе и Церкви.

Перетти залюбовался молодой женщиной, ее чуть склоненной головкой, приопущенными плечами:

– Пойдем отсюда, здесь слишком официально для встречи друзей.

Последнее слово Папа выделил лукавой интонацией. Из аудиенц-зала они прошли в небольшой уютный кабинет.

– Ты покинула Испанию без моего дозволения, – за теплыми, почти отеческими нотками, было заметно, что Феличе Перетти недоволен поведением своей протекже. Появись Виктория раньше – когда он только узнал о произошедшем – ей бы очень не понравилось. Теперь же, когда Святому престолу удалось извлечь из этого пользу, Папа был более благосклонен к провинившейся. – Но ты уже наказана – не увидела, как хорош был твой воспитанник на церемонии рукоположения в сан кардинала.

– Мне было сложно расставаться с Бенвенуто... А сейчас я могу увидеть его высокопреосвященство?

– Увы. Кардинал, – Папа не смог сдержать гордую улыбку, – отбыл с коадьютором в Тулузу. Но оставим дела. Поговорим о нас. Ты и от меня убежала слишком быстро. Торопилась к своему венценосному супругу...

Виктория встревожено отвела глаза:

– Я не хочу вспоминать об этом. И теперь я лишь хотела увидеть мальчика. Я покину Рим, как только позволят обстоятельства.

– А я приглашу тебя на праздники в день поминовения святой Екатерины. И буду ждать. Придешь?

– Вы этого хотите? Мне казалось, вы больше не испытываете во мне потребности...

Она опустила взгляд и отошла к окну. Почти отвернувшись от хозяина кабинета, Виктория сняла с руки перчатку, а следом – кольцо. Перетти внимательно следил за ее движениями.

– Виктория, я не жду от тебя подарков! Ты уже подарила мне то, что достойно всех царств этого мира, – он подошел к ней и встал очень близко, не касаясь, однако ничем, кроме взгляда. – Лучше прими это от меня.

Заметив, как неестественно прямо застыла ее спина, Перетти отступил к столику и указал на ларец. Виктория положила кольцо рядом, но к ларцу не прикоснулась:

– Святой отец, в этом кольце хорошее противоядие. Прошу вас, примите его.

Взяв бокал, наполненный Перетти, она вновь отошла к окну:

– А что в этом ларце?

– Посмотри сама, – он поднял крышку и вынул колечко, камни которого вспыхнули алыми гранями в лучах заходящего солнца.

– Вам нравится, ваше сиятельство, – скорее утверждая, чем спрашивая, произнес он.

– Это красиво! Но, прошу, не называйте меня так.

– Виктория, раз уж не получилась встреча с монсеньором, я хочу, чтобы ты увиделась кое с кем другим.

По тому, как это было сказано, она поняла, что Папа заговорил о деле. Виктория заинтересованно посмотрела на понтифика:

– Кто это?

– Сейчас узнаешь, – Папа вызвал секретаря. – Пригласите монсеньора Карреру.

– Его преосвященство еще в Риме?! – изумилась Виктория.

– Да, я оставил его в курии. Он хорошо занимался с Бенвенуто этот год. Но... Скажи, какие отношения связывают его и, – Папа помедлил, – Юлию дю Плесси Бельер?

В душе женщины зародилась тревога.

– По-моему, она была ему небезразлична в Испании.

– Вот как... И насколько?

– Не знаю. Наверное, отцам-инквизиторам и настоятельнице монастыря, откуда она бежала, это известно лучше, – Виктория повела плечами.

Перетти усмехнулся. Этой усмешкой он и встретил вошедшего кардинала.

– Приготовьте все к встрече. Вы поняли?

– Да, Святой Отец, – кардинал ничем не выдал своих чувств, вызванных выражением лица Папы и его приказом. В сторону донны Виктории он даже не посмотрел.

Перетти и Виктория долго шли по переходам и лестницам пока не оказались в довольно большом зале. Раздвинутые шторы открывали путь лучам закатного солнца, но света, по мнению Перетти, было недостаточно, и он приказал принести больше свечей.

– Присаживайся, – он запросто махнул рукой в сторону накрытого на троих стола.

Сам Святой Отец сел рядом с Викторией, собственноручно налил синьоре вина, предложил фрукты. Вскоре в зал ввели маркизу Ла Платьер. Едва увидев ее, Виктория отвернулась, но справилась с волнением и даже отпила из бокала. Повернувшись к Папе, она улыбнулась ему. Перетти тем временем обратился к Юлии:

– Проходите, синьора, присаживайтесь. Пообедаем.

Маркизе, несколько дней до того ничего не бравшей в рот кроме воды, было тягостно смотреть на яства, теснившиеся на столе. В зале повисла тишина, нарушаемая только потрескиванием свечей. Виктория наклонилась к Папе:

– Я хотела бы сказать вам несколько слов, – и еще тише добавила, – наедине.

Собравшийся было ответить ей Перетти обернулся на голос маркизы. Он был слаб, но не утратил прежнего очарования:

– Здравствуйте, ваше сиятельство. Я давно не видела вас, Виктория. Приветствую вас, Ваше Святейшество. Какое общество!

Перетти поочередно смотрел на двух женщин – нежную, хрупкую герцогиню и уставшую, измученную борьбой, в измятом платье, но улыбающуюся маркизу. И невольно сравнивал их.

– Позвольте мне выйти, – все тем же тихим голосом проговорила Виктория.

– Каррера, проводите донью.

Как только они вышли, Виктория тронула кардинала за рукав сутаны:

– Прошу вас, вернитесь, там просто немного душно. Не оставляйте их сейчас наедине...

– Это ничего не изменит, – холодно проговорил Каррера, но все же вернулся обратно в зал. Перешагнув порог, кардинал почувствовал, витающее в воздухе напряжение. Повинуясь знаку Сикста, монсеньор прошел к столу и встал за спинкой стула Святого Отца. Через несколько мгновений, справившись с дурнотой, вернулась и Виктория. Она села на свое место рядом с Перетти. От нее пахло свежестью и розами. Маркиза, внимательно наблюдавшая

за всеми, отлично понимала, что помощи в этой компании ей ждать не от кого. Холодный липкий ужас предчувствия смерти сжал ей сердце, но сдаваться она не желала.

– Ваше сиятельство, вы как всегда прелестны! Жаль, что здесь нет кавалеров, достойных вашего очарования.

– Спасибо, Юлия, – в голосе Виктории явно послышалась ирония. Она обратилась к Сиксту:

– Ваше Святейшество, можно еще света? Мне кажется, маркизе темно.

Перетти понял, для чего Виктория попросила об этом. В ярком свете контраст между женщинами стал еще более очевиден. После того как еще несколько свечей поставили рядом с его пленницей, Виктория поднялась из-за стола:

– Простите, я покину вас. Приятно пообедать.

– Кардинал, проводите донью Викторию и распорядитесь, чтобы увели синьору Юлию.

В дверях маркиза оглянулась, улыбка искривила ее губы:

– Это последняя наша встреча, Феличе?

После Юлиа перевела взгляд на Викторию:

– Попейте настой корня валерианы, донна. Он укрепляет дух.

Оставшись один, Перетти воздал должное таланту повара. На столе было так много вкусного.

Его Святейшество Папа Сикст размышлял, прокручивая в памяти два документа, доставленные ему днем раньше. Согласно им выходило, что Виктория и Юлия вполне могут быть близкими родственницами. Он смотрел и сравнивал сегодня не просто женщин, но возможных сестер. Закончив трапезу, Папа вытер руки краем скатерти и покачал головой.

– Маловероятно... – пробормотал он.

После Сикст прошел в свои апартаменты, где подписал приговор Юлии дю Плесси Бельер маркизе де Ла Платьер: за покушение на жизнь понтифика, совершенное по наущению дьявола и в беспамятстве, преступница приговаривалась к прохождению в санбенито⁴ со свечой в руках до места аутодафе⁵ и публичному покаянию. Перечитав текст приговора, он задумался и решил послать к маркизе Франческо Карреру, чтобы тот объяснил ей очень доходчиво и понятно, возможно даже при помощи мастера-палача, что публичное покаяние и ссылка в монастырь гораздо лучше смерти – неважно, публичной или тайной. Тут Святому Отцу доставили сообщение, что посол короля Испании просит принять его. Нетрудно было догадаться, что он собирается передать обращенную к Святому престолу просьбу аннулировать брак его сиятельства герцога де Мединасели с Викторией де Бюсси. Перетти удовлетворенно покивал своим мыслям.

В назначенный день Виктория прибыла в Ватикан. Перетти ждал этого с нетерпением, но при встрече ничем не выдал себя:

– Господь с вами, донна Виктория. Идите за мной.

Папа раскрыл двери в смежную комнату и шагнул за порог. Войдя за ним следом, Виктория увидела существо в обносках платья, утонувшее в глубоком кресле.

– Боже милостивый, опять она! Зачем, Ваше Святейшество?!

– Вы поймете позже, – в голосе Перетти мелькнуло раздражение.

– Итак, сначала прочтите вот это, – он протянул ей внушительно вида грамоту.

⁴ Санбенито – одеяние кающегося. По форме напоминало мешок с прорезями для головы и рук. Шилось из желтой шерсти, с рыжими крестами.

⁵ Аутодафе – церемония оглашения приговора.

От первых же слов глаза Виктории затуманились слезами: «Мы, Филипп, Божией милостию Король Испании обвиняем супругу нашего благородного кузена Хуана де ла Серда, шестого герцога де Мединасели... в неверности. Наш благородный и верный кузен объявляет, что дитя, которое она носит под сердцем, не является плодом его семени». Заметив, что синьора де Бюсси прочла бумагу, Папа забрал документ из ослабевших пальцев женщины. В комнате повисла тишина. Наконец, Виктория гордо вскинула голову:

– Ваше Святейшество, – голос герцогини был тверд, – это клевета! Я не ношу и не носила со дня вступления в брак дитя! Если нужно, пусть проведут осмотр.

Последние слова она проговорила едва слышно, но все так же глядя поверх головы Перетти. Тот нетерпеливо отмахнулся:

– У меня на руках решение конгрегации о правомерности требований вашего супруга. Оно ждет только моей подписи. Решайте! Или вы желаете публичного суда и осмотра?

Виктория сникла. Ее взгляд обратился к Перетти, глаза молили.

– Это жестоко. Я надеялась, что вы сделаете все иначе! – со смесью боли и негодования воскликнула Виктория.

Сикст молчал, ожидая, когда она справится с чувствами. Под его тяжелым взглядом герцогиня сникла.

– Ведь я, – тихо проговорила донна и еще тише продолжила, – люблю...

«Вас» прошептали уже только губы, когда она медленно опустилась на колени. Перетти отступил на шаг.

– Не смейте, синьора де Бюсси! – маркиза, до того молча наблюдавшая за всем, вмешалась в разговор. Виктория удивленно подняла голову, только в этот момент вспомнив, что они с Перетти не одни в комнате. Папа гневно сверкнул глазами в сторону узницы. Но та ничуть не смутилась:

– Перетти! Если ты посмеешь это сделать, я, – Юлия замолчала, не зная как продолжить, но договорила, – убью тебя.

И, невзирая на ее состояние, на ее вид, на ее нынешнее положение, Папа понял, что говорила маркиза вполне серьезно. Их взгляды встретились, в глазах Юлии полыхал ответный гнев. Но Перетти лишь холодно улыбнулся и ответил:

– В это дело не вмешивайтесь, синьора.

И снова обратился к Виктории:

– Поднимитесь. Условия вашего развода мы обговорим позже. А сейчас то, для чего я пригласил вас, маркиза. Недавно мне доставили документы – это запись в метрической книге толедской церкви и свидетельство нотариуса. Бумаги говорят о том, что вы, Виктория де Бюсси, и вы, Юлия дю Плесси Бельер, вероятно являетесь сестрами по матери.

Женщины одновременно повернулись друг к другу. Их и так связывало слишком многое, но столь же многое их и разделяло. А главное – вот этот человек, имеющий власть вершить их судьбы. Зажегшийся было в глазах маркизы огонек интереса, потух при виде искажившихся безразличностью губ Виктории.

Папа оглядел обеих, усмехнулся и обратился к Юлии:

– Советую подумать, маркиза, какое будущее может открыться перед вами при условии... обдуманного поведения, – не давая Юлии возможности ответить, он вызвал охрану и приказал увести пленницу.

Перетти и Виктория остались вдвоем. Он подошел к ней и встал за спиной, осторожно взял за руку и, перебирая тонкие пальчики, тихо проговорил:

– Все будет хорошо. На время ты уедешь – в родной Клермон или в обитель поближе к твоему дорогому Милану. А потом я заберу тебя в Рим, ко двору. К себе.

Он ощутил, как напряжение оставляет Викторию, и сам выдохнул с облегчением: «Обошлось».

– Но пока, до того как все решится, тебе необходимо быть в Риме.

Не отнимая руки, Виктория повернулась лицом к Папе. В ее глазах блеснули слезы.

– Вас могут обвинить в укрывательстве преступницы...

– Ты только сейчас об этом подумала?! – он снисходительно усмехнулся.

Виктория смутилась и опустила взгляд.

Перетти вспомнил, как он впервые увидел ее совсем еще девочкой, какое сильное впечатление тогда произвела она на него. И еще раз поздравил себя с тем, что так удачно разыграл эту фигуру в очередной испанской партии. Но ни одна из его холодных расчетливых мыслей не отразилась на лице, в глазах были только нежность и сопереживание.

– До приезда представителя твоего супруга ты вольна в своих действиях. А теперь ступай, дитя мое, тебе нужно отдохнуть.

Женщина подавила вздох разочарования, когда Феличе отпустил ее руку и отступил. Склонившись в глубоком поклоне на несколько мгновений, она выпрямилась и, не оборачиваясь, вышла.

Когда за Викторией закрылась дверь, Перетти вызвал служку и потребовал вина. Впереди был еще один разговор. Выпив и переодевшись в темную сутану, Папа направился в подвалы дворца.

В камеру к своей узнице Перетти шел со смешанным чувством ожидания и раздражения. Ее красоту и ум он оценил уже давно, но вот свое отношение к Юлии Везен определить не мог. С одной стороны – и в этом Феличе Перетти с трудом, но все же признавался себе – он готов был постелить к ногам этой женщины все мантии мира и свою в числе первых, с другой – всякий раз укрощая, подчиняя, заставляя ее ощущать свою власть, он испытывал почти физическое удовольствие. Он то жаждал приникнуть к ней, как к источнику наслаждения, то укрыть от всех невзгод этого мира, то своими руками ощутить, как перестает биться упрямая жилка на точеной шее. Но основой всей этой смеси чувств было одно – чувство собственника, творца: забрав ее из низкопробного притона на задворках Парижа, он сделал из девчонки даму высшего света, и она, черт возьми, должна благодарить его за это, а не предъявлять требования.

Едва дождавшись пока охранник откроет камеру, Перетти отослал всех и шагнул внутрь.

Маркиза стояла на коленях и тихо напевала. Прислушавшись, Папа разобрал слова протестантского гимна. Затворив плотнее двери, Сикст обратился к пленнице:

– Снова богохульствуете... Поговорим?

– С удовольствием! – тут же откликнулась Юлия. – Только о чем нам говорить?!

Она легко поднялась с колен и повернулась к Сиксту. Лицо ее при этом движении искажилось гримасой боли, но она не позволила Перетти увидеть это.

– Могу ли я рассчитывать на ваше искреннее раскаяние? Монсеньор Каррера должен был вам все подробно объяснить.

– Раскаяться?! Мне?! В чем? Феличе, ты... Неужели ты думаешь, что я признаю себя виновной? Мне неплохо и здесь. Только прохладно.

Маркиза посмотрела на Папу с легкой усмешкой. Ничем она не показала, что в этот момент душа ее плачет от страха. Перетти вызвал охранника и распорядился, чтобы внизу затопили печь.

– Скоро здесь станет теплее. А что вы скажете о своем родстве? – тоном, более уместным для салонной беседы, спросил Сикст.

– Мне сейчас не поможет родство даже с... Иисусом, не так ли? Тем более с опальной герцогиней-блудницей. Феличе, пощади ее! Она так молода и красива. Она любит тебя, – последнее слова Юлия проговорила словно задумавшись, но тут же усмехнулась. – Хотя, не скрою, мне льстит мысль о том, что я родилась в богатом дворце, а не в трущобах.

– Не вам, друг мой, заступаться за кого бы то ни было. Сейчас вы должны позаботиться о себе. У вас ведь есть просьбы ко мне?

– Да.

Глаза Перетти удовлетворенно зажглись, но при следующих же словах, сузились до злых щелочек.

– Мне скучно, – чуть растягивая слова проговорила Юлия, прекрасно осознавая, что дразнит и так рассерженного мужчину. – Даже встреча с палачами была бы интереснее.

Перетти едва не заскрежетал зубами, но сумел сдержанно выговорить:

– Вы занимаетесь пением, это разнообразит пребывание здесь. Еще просьбы есть?

– Приходите ко мне чаще. Когда не угрожаете, вы очень приятный в общении человек.

Сикст потерял терпение:

– Неужели вам не хочется на свободу?!

– Неужели я так глупа, чтобы просить вас об этом?! – в тон воскликнула Юлия.

– Иногда то, что вы называете глупостью, помогает. Блаженны нищие духом!

– Хорошо. Считайте, что я сделала эту глупость!

Поняв, что большего сейчас не добьется, Перетти сжал кулак, но почти сразу расслабился, заставив себя успокоиться.

– Вы, конечно, понимаете, какой вопрос последует далее. Какие гарантии с вашей стороны?

– Я должна буду забыть сына и вас, оставить всякие притязания на Тулузу и никогда более не появляться на вашем горизонте... Но зачем мне тогда свобода? У меня не будет ни титула, ни богатства, ни надежды на месть. Лучше уж остаться здесь, по крайней мере, я смогу надеяться...

Она замолчала. Он с явным нетерпением посмотрел на нее.

– Ну, продолжайте же – надеяться... На что?

– О, на многое...

Юлия прошла по камере, остановилась за спиной Феличе. Он почувствовал ее руки на своих плечах:

– На многое, – повторила она.

Подавив первый – малодушный – порыв повернуться к противнику лицом, Феличе сперва накрыл ее руку своей и лишь после обернулся к женщине:

– И все же, на что?

Взгляд его заскользил по лицу, шее, груди Юлии так, словно они стояли на одной из аллей сада, окруженные дивной зеленью и цветами. Оказавшись очень близко друг к другу, оба замерли на миг. Резким движением Юлия высвободила руку и отвернулась.

– Зачем тебе знать?

Горечь прозвучала в ее голосе. Но уже в следующее мгновение Юлия вновь говорила с улыбкой:

– Разве принято сообщать план битвы своему противнику?

– А если противники станут друзьями? – он привлек к себе маркизу.

– Феличе, между нами всегда будет стоять прошлое...

И словно молния Юлию поразила мысль: он видит в ней только покорную воле сильного падшую женщину.

– Отпустите меня! Слышите, отпустите!

– Но... – слова едва не сорвались сами собой. Он резко замолчал, но помедлив все же договорил:

– Неужели ты не понимаешь!

– Что?! – Юлия внезапно успокоилась. – Я не смогу забыть... Нет! Я не могу. Виктория, да ведь она любит вас!

– Что тебе до нее?! Подумай лучше о себе!

Юлия отвернулась, но недостаточно быстро, чтобы скрыть слезы, побежавшие по щекам. Впервые Перетти видел опущенные не под физическим насилием плечи, и слезы, текущие не от боли. Он сделал движение, будто хотел поцеловать ее, но отпрянул. И нарочито спокойно проговорил:

– Вам надо отдохнуть. Сейчас я уйду. Вам принесут ужин, что-нибудь переодеться, сменить постель. Утром мы продолжим разговор.

После, не оглядываясь, едва не бегом, Феличе Перетти покинул камеру узницы. Когда звякнул дверной засов, Юлия без сил опустилась на скамью, уронила руки на колени и... улыбнулась.

На другой день они снова увиделись. Его Святейшество ни словом, ни жестом не показал, что накануне между ним и маркизой произошло что-либо необычное. Голос его был поделовому сух и холоден.

– У меня мало времени. Слушайте внимательно. Через две недели Виктория будет разведена с герцогом. Вы поедете с ней в Веллетри, в монастырь Святой Катерины. Там вы пробудете месяц. С Викторией ничего не должно произойти. Ясно? Потом можете отправляться куда угодно. Общаться мы будем через брата Иосифа. Через того самого брата Иосифа, – глядя на изумленное лицо Юлии, Перетти не сдержал улыбку. – Прощайте.

– Спасибо, – впервые за много лет она опустилась перед ним на колени по своей воле. Прижала его ладони к своему лицу и горячим дыханием выдохнула вновь:

– Спасибо...

Пальцы Перетти дрогнули, и голос прозвучал неожиданно хрипло:

– Встаньте. Не хочу видеть вас сейчас на коленях... Прощайте, я спешу. Благослови вас Господь!

Остановившись на пороге, он обернулся, словно хотел что-то еще сказать, но тряхнул головой и молча вышел.

Глава 6

По решению курии после развода с герцогом де Мединасели Виктория должна была отправиться в монастырь. Перед отъездом Папа пригласил ее попрощаться.

В кабинет синьора вошла в черном платье, голову покрывала мантилья. Ни единого украшения на ней не было. Когда секретарь проводил Викторию через приемную, за их спинами шептали: «Испанец жесток... Тяжко ей будет в монастыре... Говорят, она застала его с любовницей в саду, устроила скандал и поплатилась за это. Что вы! Не просто скандал... Она пыталась избавиться от несчастной. А как вы думаете – она правда в тяжести? Что-то не похоже...»

Шагнув за порог студиоло, синьора де Бюсси преклонила колени. Повинуясь легкому взмаху руки Его Святейшества, секретарь вышел и закрыл двери. Только тогда Сикст позволил женщине подняться:

– Сожалею, что тебе, дитя мое, пришлось пережить столько неприятных часов. Но теперь все улажено. В Веллетри с тобой поедет женщина, которой ты можешь доверять. И помни – придет время, и я верну тебя в Рим.

Виктория молчала. Не дождавшись ответа, Перетти подошел ближе. Ему показалось, что с ней что-то не так – даже сквозь кисею вуали была заметна бледность.

– Что с тобой?

– Простите, я больна, – словно очнувшись, проговорила Виктория. – Мне нужен лекарь. Вчера мне прислали вино... Я немного выпила и вот результат... Я благодарна вам за все.

Она опустила голову, но, решившись, вдруг заговорила, глядя прямо в лицо Перетти:

– Я всегда обращалась к тебе на «вы», но сейчас...

Перетти обратил внимание на ее руки – они беспокойно терзали манжеты платья. Последняя фраза его встревожила, поэтому он поспешил воспользоваться паузой:

– Это, возможно, прощальный подарок герцога. Я пришлю к тебе лекаря. Но скорее всего ты просто устала, – голос Перетти стал холоден и сух.

Она вновь сникла, утратив надежду:

– Позвольте писать вам. Я знаю, понимаю все, но может быть... Простите, я конечно не заслужила... Прощайте, синьор Феличе Перетти.

Виктория закрыла лицо руками и пошла прочь.

Сикст молчал.

У порога она все же остановилась, тихо произнесла:

– Нет, – и, обернувшись, громко закончила, – до свидания, Ваше Святейшество.

Карета неторопливо двигалась по прямой дороге, уходящей за горизонт. Две женщины сидели в ней, мерно покачиваясь в такт движению. Одна из них с живым интересом наблюдала то вид за окошком, то свою спутницу. Другая – безучастно смотрела в пространство перед собой. Последняя встреча с Перетти многое показала Виктории. Она поняла – он использовал ее как инструмент, использовал ее любовь и преданность в своей политической игре. Порыв Юлии выяснить, какие мысли скрываются за напряженным молчанием синьоры де Бюсси, был остановлен прямым и твердым взглядом графини:

– Маркиза, – ее голос дрогнул, – не пытайтесь успокоить меня. Я знаю, что монастырь – это навсегда. Он сказал «когда придет время»... Это слишком неопределенно. Но я все равно люблю его. Глупо?

Она вдруг рассмеялась и закричала:

– Глупо! Любить – это глупо!

Когда маркиза уже начала беспокоиться, Виктория подавила истерику:

– Герцог Миланский любил меня, и я его тоже. Хотя нет, если бы я любила, наш Тео не умер бы. Сын...

Это последнее слово для обеих многое значило. Только у одной сын умер, а от другой отрекся.

– Юлия, я чувствую, он любит вас! А я – так, вещь, которая уже не нужна. Рано или поздно он избавится от меня.

Это признание заставило губы маркизы сжаться в тонкую линию.

– Замолчи! – Юлия оглянулась, словно боялась, что кто-то может их услышать.

– Виктория, успокойся, – строго сказала она. – Сейчас я ничем не могу помочь тебе. Перетти следит за нами. Малейшее подозрение, и мы окажемся вместе там, откуда точно никогда не выберемся.

Помолчав, маркиза взяла Викторию за руки, сжала их и уже мягче добавила:

– Никогда никому не верь, даже мне. Никогда никому не признавайся в своих чувствах.

Графиня лишь глубоко вздохнула в ответ и отняла руки. Через некоторое время, не повернув головы от окна, Виктория тихо спросила:

– Зачем?

– О чем ты? – не дождавшись продолжения, сказала Юлия.

– Зачем он отправил нас вместе?

Маркиза не успела ответить, когда Виктория вдруг посмотрела на нее – в тени карты ее глаза странно блестели:

– Рассказать вам о сыне? У нас с доном Хуаном не могло быть детей, и я много времени сама проводила с Бенвенуто.

Графиня пристально следила за выражением лица спутницы. От нее не укрылось то, как гневно шевельнулись крылья небольшого прямого носа, как плотно сжались губы Юлии.

– Не нужно, синьора де Бюсси. Все, что я хотела знать о своем сыне, я уже узнала.

Маркиза помолчала, глядя, как Виктория сжимает пальцы, беспокойно лежащих на коленях рук. Уголок губ предательски дрогнул, сдерживая холодную усмешку:

– Я не поблагодарила тебя за воспитание Бенвенуто и заботу о нем. И я не стану этого делать. Это был не мой выбор.

Под прямым взглядом Юлии де Ла Платьер графиня смутилась; она опустила взгляд, а после вновь отвернулась к окну.

Во время оставшегося пути женщины мало разговаривали, каждая была занята своими мыслями.

В монастырь они прибыли под вечер. Кельи, отведенные им, не отличались изяществом убранства, и Виктория заметила улыбку, искривившую губы Юлии:

– Сестра, эти покои так не похожи на те, в которых мы жили раньше. Впрочем, здесь тепло и светло. До вечера, маркиза.

После вечерней трапезы Юлия передала через приставленную к ней послушницу просьбу увидеть брата Иосифа. Монах не заставил себя ждать.

– Слушаю вас, синьора.

Лицо его было непроницаемо холодно, словно никогда до сего дня они не встречались, и не было сговора против Папы Сикста. Юлия приняла правила, безмолвно предложенные иезуитом.

– Святой отец, вы отвезете в Рим письмо.

Монах только усмехнулся в ответ на приказной тон женщины. Присев к столу, она быстро набросала: «Феличе, мы в Веллетри. Через месяц я вернусь в Рим, к тебе. Но что будет с Викторией? Прощу тебя, сжался над ней. Я очень скучаю по тебе». Запечатав письмо, маркиза отдала его монаху. Брат Иосиф, не тратя время на слова, вышел из кельи и направился к себе.

Там, сидя за столом у свечи, он бережно вскрыл послание. Конечно, у него были полномочия просматривать переписку маркизы и графини, но не переписку же Папы. Когда он закончил читать записку, на его губах задрожала усмешка. И брат Иосиф решил рискнуть – чуть-чуть, на грани подозрения, неаккуратно запечатал бумагу: ведь у него все-таки были полномочия. Пусть Перетти поймет, что его подручный в курсе всех этих «Феличе...», «к тебе...», «скупаю...», «сжался...» А после он посмотрит, чем это обернется для нее.

Через месяц, за день до запланированного отъезда маркизы де Ла Платьер в Рим, в веллетрийский монастырь вернулся брат Иосиф. Он велел собрать пленниц в одной келье.

– Синьора де Бюсси, синьора де Ла Платьер, вас приказано перевести в Сьеррский монастырь. Собирайтесь, вы выезжаете прямо сейчас.

Виктория повернулась и без слов отправилась к себе: она почти ждала чего-то подобного. За прошедшие недели графиня о многом думала и, в конце концов, решила, что пока будет выгоднее смириться с тем, что ее судьба находится в чужих руках.

Юлия так же молча покинула келью монаха, но выходя, она обернулась и успела заметить странную полуулыбку, скривившую губы иезуита.

Через несколько дней за каретой с двумя синьорами закрылись тяжелые, обитые железом ворота Сьеррского монастыря. В отличие от веллетрийской обители, он был окружен толстыми каменными стенами и славился строжайшим уставом. Навстречу прибывшим вышел мужчина в хабите доминиканца. Виктория узнала в нем коадьютора⁶ Бенвенуто ди Менголли, кардинала Монтальто.

– Да благословит вас Бог, сестры. Добро пожаловать. Встретимся после вечерни. Сестра Аделия проводит вас.

Маркиза окликнула доминиканца:

– Отец мой, не откажите в любезности... Его Святейшество здесь?

– Что, простите?

– Святой Отец здесь? – в голосе Юлии послышалась угроза.

– Смирите гордыню, сестра! – приторно улыбнулся монах. – Пост и молитва помогут вам!

Маркиза отвернулась. Но взгляд ее ясно сказал доминиканцу, что от смирения синьора Юлия весьма далека.

Вечером маркиза тайком прошла в келью сестры.

– Слушай меня внимательно, Виктория. Происходит что-то странное. Будь готова ко всему. Возможно, нам придется бежать, – она прислушалась. – Сюда идут. Будем спокойны.

Измученное внимание на лице Виктории сменилось безразличием, когда она, вслед за Юлией, обернулась к двери. Без стука в келью вошел коадьютор. Заметив синьору де Ла Платьер, он укоризненно покачал головой:

– На будущее, уважаемая маркиза, учтите, что в этой обители не приветствуется общение сестер наедине. Итак, я уверен, у вас есть некоторые вопросы. Готов на них ответить, если, разумеется, они входят в мою компетенцию.

Графиня была спокойна и молчалива. В голове была одна, смешившая ее, мысль: «Мы уже монахини или еще нет?»

Юлия решила взять инициативу в свои руки:

– У меня... У нас несколько вопросов: где Папа, по чьему приказу мы здесь, как долго мы будем здесь? И, наконец, в этом месте принято ужинать?

⁶ Кoadьютор – помощник епископа. Назначается Святым престолом, когда по ряду причин епархиальный епископ не в состоянии справляться со всеми функциями, которые входят в круг обязанностей главы епархии. Такими причинами могут стать значительная территория епархии, затрудняющая исполнение епископских функций одним человеком, состояние здоровья епископа и другое.

– Сестра, бес попутал твои мысли. Святейший Отец в Риме, все свершается по велению Божьему. А по поводу трапезы – я же велел тебе сменить пищу телесную на пищу духовную, сиречь молитву.

Видя, как Юлия наливается гневом, коадьютор повысил голос:

– Сестра Аделия, проводи сестру, – это слово он выделил особо, – Юлию, она хочет помолиться в одиночестве!

Теперь он понимал, что собрат-иезуит не зря предупреждал его о строптивой грешнице.

Когда за маркизой закрылась дверь, Виктория подняла взгляд на монаха и спросила:

– Святой отец, можно мне пойти в часовню?

– Устами нашей сестры говорит дьявол, но мы спасем ее душу. А вы можете идти в церковь. Молитесь, сестра, и Господь услышит вас.

– Спасибо, святой отец, – женщина склонила голову, но сама подумала: «Не учи монахиню молиться».

Кoadьютор был почти спокоен – от Виктории нечего ждать неожиданностей. Но вот с маркизой, похоже, хлопот не оберешься.

Через неделю в монастыре начались приготовления. Было заметно, что кого-то ждут. К обеду приехал тот, ради кого поднялась суета – в Сьеррский монастырь святой Девы Марии прибыл кардинал Менголли. Монсеньор был слишком молод, и сидеть на одном месте ему было тяжело, поэтому в своей обители его высокопреосвященство бывал лишь наездами. Когда юноша вышел из кареты, графиня, сидевшая в это время у окна своей кельи, от неожиданности выронила молитвенник из рук.

– Боже милостивый! Он здесь?! – Виктория задумалась. – Прекрасно. Перетти двинул очередную фигуру.

Виктория хотела уже вернуться к чтению, но шум за окном вновь привлек ее внимание. По двору в сопровождении монахинь проходила маркиза. Кардинал Монтальто обернулся посмотреть, кого ведут. Этого было достаточно, чтобы Юлия узнала сына. Монсеньор тот час отвернулся, увидев женщину с растрепанными волосами, в мятом грязном платье – Юлия еще в первый день отказалась переодеваться в одеяние послушницы и до сих пор стойко сопротивлялась этому требованию сестер и доминиканца. Маркиза не закричала, у нее перехватило дыхание. Тихо выдохнув: «Неужели снова», она опустилась на землю в обмороке. Шум, поднявшийся вокруг упавшей Юлии, и привлек внимание Виктории. Она вышла во двор. В отличие от постоянно выказывавшей неповиновение маркизы, графиня выглядела хорошо. Невозмутимо оглядев представшую картину, Виктория заинтересовалась:

– Что произошло?

Юлия уже пришла в себя, ей помогали подняться. Тут сеньоры услышали голос коадьютора:

– Ваше высокопреосвященство, в монастыре новые послушницы, они ожидают вас, чтобы принять постриг.

Мальчик внимательно оглядел женщин. Ему было неудобно рядом с ними: одна воспитывала его в раннем детстве и даже нравилась, с другой их свели очень неприятные обстоятельства. Но он нашел в себе силы проговорить:

– Мир вам, – и сразу обратился к коадьютору, – брат мой, проводите меня.

Еще бледная после обморока маркиза беспомощно посмотрела вслед Бенвенуто, потом повернулась к Виктории:

– Что здесь происходит? Ты понимаешь? Нас собираются постричь?!

– Ты только сейчас это поняла?! – резко ответила графиня. Виктория развернулась и направилась к себе. А Юлию отвели туда, куда собирались – в карцер, место уединенной молитвы и поста.

Поздним вечером ворота монастыря выпустили двух монахов. За углом монастырской стены один из них протянул другому перстень, скинул балахон, оставаясь в костюме всадника, и направился к привязанной неподалеку лошади. Вскоре стук копыт стих вдали. Оставшийся – через сад вернулся обратно в стены обители и передал записку Виктории: «Сестра! Я не хочу становиться монахиней. Я постараюсь бежать. Если мне повезет, очень скоро я буду в Риме. До встречи. Храни тебя Бог». Лишь много позже Юлия задумалась о том, почему ей так легко удалось покинуть суровую обитель.

Тот же монах, что провел Юлию через ворота, доложил коадьютору о бегстве маркизы. Доминиканец улыбнулся и отправил гонца в Рим, а сам пошел в келью графини де Бюсси.

– Синьора, вы уже, думаю, знаете, что маркиза де Ла Платьер сбежала. Не переживайте, через неделю вы отправитесь в Рим в свите монсеньора Менголли. Там Святой Отец освятит ваш брак с графом Морно, племянником монсеньора Карреры.

– Как?! Значит вот, что на самом деле... – по щеке Виктории скатилась слеза. – А если я хочу стать монахиней? Впрочем, это равносильно... Хорошо, синьор коадьютор, я все поняла. Пожилой мужчина едва ли не сочувственно кивнул ей и вышел.

К крыльцу Апостольского дворца галопом подлетел всадник. Спрыгнув с коня, он направился к входу.

– Послание от монсеньора Монтальто, срочно к Его Святейшеству!

Гонца проводили в один из кабинетов. Впустив его, служка тут же вышел и прикрыл двери. Папа стоял лицом к окну в легкой шелковой сутане. Дождавшись, когда стукнет, закрываясь, дверь, он обернулся:

– Здравствуйте, маркиза. Мужское платье вам к лицу. Вы перепугали моих людей. К чему такая спешка?!

– Что же, – Юлия и не подумала смутиться, напротив, ее глаза только ярче вспыхнули в свете свечей, – тогда, может быть, вы изволите объяснить...

Тон и слова женщины заставили Перетти изумленно приподнять бровь. Но даже столь явно выраженное неудовольствие Святого Отца не остановило маркизу:

– Не желаете ли объяснить мне события последних месяцев? Какой постриг?! Ведь я так ждала от вас письма.

В голосе Юлии сквозило разочарование. Папа вновь отвернулся к окну. Помолчал. После, все так же, не оборачиваясь, проговорил:

– Не желает ли синьора поужинать со мной?

Этот спокойный тон заставил женщину опомниться. Она чуть расслабилась, заставила себя улыбнуться.

– С удовольствием! Помогите мне снять плащ.

Перед тем как отойти от окна Сикст пробормотал:

– Надо бы что-то поставить на эту площадь...

После приблизился к Юлии и снял с плеч женщины дорожный плащ, сумев не коснуться ее самой.

Если Юлия и была удивлена приемом, то сумела не показать этого, мгновенно превратившись в даму большого света.

Они сидели уже довольно долго. Феличе говорил о пустяках, оправдывая общение желанием прояснить для себя настрой маркизы, чтобы определить меру доверия к этой женщине. Но на самом деле он уже давно откровенно любовался ею. Как маркиза ни торопилась

к Феличе, она все же остановилась на несколько часов в одном из трактиров на окраине города. Там она привела себя в порядок, уложила волосы, а посыльный от хозяина даже достал для нее любимые духи с нотами сандала. И теперь Феличе Перетти наслаждался вечером, их вечером. Юлия тоже казалась довольной обществом приятного мужчины. Напряжение, не покидавшее ее несколько суток пути, спало, и она почувствовала себя безмерно усталой и опустошенной. Разгоряченный вином, Папа не сразу заметил перемену ее настроения.

– О, маркиза, вы устали... Я приказал приготовить вам комнаты рядом с моими покоями, – произнося последние слова, он словно бы испрашивал ее позволения или искушал.

– Благодарю вас, – не задумываясь, ответила Юлия. Промелькнула было мысль о том, что она может устроиться в римском доме, купленном еще маркизом Ла Платьер, но быстро утонула в нежелании куда-либо ехать. Маркиза поднялась из-за стола. Ее качнуло от усталости и вина.

– Боже, как кружится голова.

– Да, вино отменное.

– Спокойной ночи, монсеньор.

В комнате, отведенной ей, Юлия стянула с себя костюм и с наслаждением погрузилась в наполненную горячей душистой водой бронзовую ванну. Тепло и тишина разморили ее, она задремала. В конце концов, служанка-монахиня разбудила Юлию, обтерла льняным полотенцем и уложила в постель. Потушив все свечи, кроме лампы, служанка вышла. Едва укрывшись, Юлия заснула.

Он пришел глубокой ночью, прямо из молельни. Она спала, и лицо ее было лицом невинного ребенка. Феличе сидел в кресле, смотрел, как спокойно в размеренном дыхании приподнимается ее грудь, скрытая покрывалом, и вспоминал. Картинки их совместного прошлого скользили по его сознанию, но он не позволял им проникнуть глубоко, задеть чувства. Он слишком хорошо помнил, почему очень давно, еще в Испании, отказался от этой женщины! Молоденькая изящная парижанка, жемчужина в клоаке порока, она с первого мгновения их встречи очаровала его, уже тогда влиятельного прелата. В одном единственном взгляде он почувствовал ее силу – силу обольстительной женщины в теле еще девочки. И он решил использовать эту силу для осуществления плана своей вендетты. А потом... Потом Феличе Перетти осознал, что и сам слаб против ее женской власти. И он отдал ее инквизиции. Не насоем, а так, чтобы придержали, ослабили. И была последняя перед отъездом в Рим встреча, где она умоляла, требовала забрать ее с собой, а потом попыталась вернуть его, сообщив о скором рождении ребенка. Их ребенка. Феличе Перетти почти устоял. Почти, потому что, отвергнув ее, он принял дитя. Монсеньор прекрасно сознавал, что тем самым точку своей рукой превращает в многоточие. Но ничего не мог поделать с собой. Когда Юлия впервые после долгих лет подала о себе весть, он почувствовал что-то сродни удовлетворению – она возвращается. Оставалось дожидаться и посмотреть, как она вернется. И он признал, что Юлия вернулась достойно, с блеском стали. И что же теперь? Он ощутил в себе уверенность, что сможет не только предложить ей свои правила игры, но и добиться от нее их соблюдения.

Пока Папа был погружен в свои мысли, маркиза, почувствовав присутствие постороннего в комнате, проснулась. Свет от лампы позволял разглядеть лишь белеющий в сумраке силуэт в кресле. Но она и так знала, кто оказался рядом с ее постелью. Приподняв голову, Юлия посмотрела на Перетти.

– Ты пришел. Хочешь мне что-то сказать?

Золотистые волосы – пышные, но теперь коротко стриженные – едва касались обнаженных плеч, в глазах отражался огонек лампы, руки в пене кружев казались выточенными из слоновой кости. Окинув Юлию жадным взглядом, Перетти резко поднялся: «Нет!» – и, не проронив ни слова, вышел.

«Ты бежишь, Феличе... – подумала Юлия, укладываясь вновь на подушки. – Так уже было.»

Глава 7

Виктория де Бюсси, после всех перипетий развода сохранившая лишь почетный титул графини, вошла в свой римский палаццо. Слуга, готовивший дом к возвращению хозяйки, передал синьоре сложенный вчетверо и запечатанный лист голубоватой бумаги. Не вскрывая послание, Виктория была уверена, что это приглашение на аудиенцию к Святому Отцу, к Перетти.

Осматривая свое отражение в высоком венецианском зеркале через несколько часов – после ванны и ухищрений служанки – графиня убедила себя, что как всегда прелестна, что на лице не осталось и следа усталости или неуверенности прошедших месяцев. Виктория приказала приготовить портшез. Вскоре она уже шла по приемному залу в Ватикане. Зачем? Чтобы сказать всего одно слово человеку, от которого снова зависела ее судьба. Чтобы еще раз взглянуть на него, услышать голос, получить благословение.

Викторию ждали и проводили к Папе без задержки.

– Прекрасно выглядишь, дитя, – встретил графиню Сикст. Ласковое, почти нежное обращение не обмануло Викторию. В его голосе она не услышала ничего, кроме покровительственного отчуждения. И все поняла. Нет, не напрасно шептались о том, что Святой Отец поселил подле себя женщину. Виктория слишком хорошо знала, что это за женщина и на что способна.

Графиня молчала. Когда пауза уже грозила стать неприличной, она проговорила:

– Благодарю, Ваше Святейшество.

Виктория постаралась, чтобы ее голос остался холоден и спокоен. Не дождавшись более ничего, Перетти продолжил сам:

– Ты, я уверен, хочешь еще что-то сказать... – он подался чуть вперед, ближе к собеседнице.

– Нет, Ваше Святейшество, только то, что уже сказала.

– Обо всем, связанном с бракосочетанием с графом Морно, вас известят. Ступайте, графиня, – Перетти едва справился с гневом – этот изящный, красивый инструмент, каким для него была Виктория, не имел права ничего ждать от него.

Поднявшись из глубокого почтительного поклона, графиня развернулась и направилась к выходу. Он дал ей уйти, но оставлять ее одну было опасно. Поэтому к синьоре де Бюсси был приставлен человек.

Виктория вернулась домой. Приказав не беспокоить, закрылась в своей спальне и долго сидела у зеркала, бесцельно перебирая украшения в шкатулке. «Он ни о чем не спросил. Он даже не поинтересовался, как я пережила унижение, связанное с разводом. Он даже не объяснил, зачем ему этот брак с Морно. Зато ее он поселил в ватиканских покоях, подле себя!» Виктория взяла со столика молитвенник, раскрыла его – между страниц скрывался тонкий стилет. Едва взглянув на оружие, она тут же захлопнула книгу. Нет, ответ будет еще тоньше и острее, чем этот клинок.

Бракосочетание разведенной вдовы и племянника кардинала курии прошло блестяще. Мантия Святого Отца прикрывала грехи, а ее белый цвет затмил позор. Сам Папа благословил пару, так какие же могут быть сомнения в добродетельности этого брака! Виктория воспринимала все происходящее как затянувшийся нудный кошмар. Но даже сквозь эту пелену она обратила внимание, что платье и украшения еще одной дамы были оплачены Перетти не менее щедро, чем ее собственные. Видела она и то, что Сикст, улыбаясь новобрачным, почти не сводил глаз с маркизы Ла Платьер. Когда сразу после начала танцев Перетти покинул палаццо Морно, Виктория едва нашла силы, чтобы сдерживать слезы бессильной ярости. Она надеялась,

что присутствие Сикста избавит ее от «свершения брака» и ей не придется ложиться в постель с новоявленным мужем. Убедившись, что нужно самой позаботиться о себе, графиня изобразила на лице милостивую улыбку и велела позвать одного из младших дворян своего супруга. Она заметила юношу еще до свадьбы – тот смотрел на свою будущую госпожу не скрывая блеска обожания во взгляде. Через несколько минут разговор юный синьор, окрыленный благосклонностью дамы, отправился исполнять ее желание. К окончанию вечера новобрачный должен быть пьян до бесчувствия.

Вернувшись со свадьбы сестры в свои апартаменты поздно ночью, а точнее рано утром, Юлия застала спящего в кресле Феличе. Мимоходом взглянув на него, она прошла к туалетному столику, чтобы снять украшения и расчесать волосы. После стянула тяжелое от камней и шитья бархатное платье и накинула легкое домашнее из шелка. Все это она сделала не торопясь, умело справляясь, не в первый раз обходясь без помощи горничной. Закончив туалет, она подошла к двери и распахнула ее:

– Убирайтесь! Когда протрезвеете, тогда поговорим. А сейчас немедленно уходите. Я устала и хочу спать.

Но адресат этой пламенной речи остался глух к требованиям. Он спал глубоким пьяным сном. Присмотревшись, маркиза разглядела закатившуюся под кресло пустую бутылку, вероятней всего из-под вина. Притопнув ножкой от досады, Юлия опустилась в кресло, стоявшее напротив.

Шло время; Папа спал, Юлия читала «Гептамерон» королевы Маргариты, найденный на полке в соседней комнате, где прежде часто отдыхал Святой Отец.

Когда утром Перетти открыл глаза, он увидел на столе два бокала – с вином и рассолом. Напротив все так же в кресле сидела маркиза.

– Видно нечистый помутит мой разум... Как я здесь очутился?

– Это я хотела спросить у вас. Ваши служки обыскались уже с утра. Где вы были после того, как ушли с бала? – в голосе Юлии звучали ледяные нотки.

Подобный тон не понравился Перетти. Сознывая глупость ситуации, он промолчал. Но скулы четче проступили на лице от гнева... или от головной боли.

Наконец он проговорил:

– Пожалуй, мне лучше уйти. А вы ложитесь и отдохните.

Шагая к себе, чтобы переодеться к литургии, Святой Отец подумал о Виктории. Нужно кого-нибудь послать к Морно – как у них там? Кроме того, Папа передал графине приглашение на встречу.

А в доме графа и графини Морно все было тихо. Слуги почти бесшумно убирали последствия праздника, пьяный граф еще спал где-то в комнатах палатцо, его супруга медленно ходила по дворцу. Все было отлично, хотя... У Виктории оставалось невыполненное дело. Если она рассчитала все правильно, и при определенной доле везения, задуманная шутка должна удалась.

В покои маркизы Ла Платьер вошла синьора, лицо которой скрывала густая вуаль. Она просила доложить о себе как о графине Морно. Юлия удивилась, но тут же велела проводить гостью в подобие гостиной, и сама вышла туда:

– Извини, сестра! Я недавно встала и еще не успела привести себя в порядок. Присаживайся. Папа уже наверняка знает о твоём визите.

– Но я не сообщала ему об этом, – Виктория сняла вуаль.

Маркиза невесело рассмеялась:

– Тут есть кому сообщить Перетти об этом. Поэтому, уверена, скоро он будет здесь... Виктория, очень удачно, что ты зашла ко мне. Я хочу попросить тебя о помощи. Я не могу понять кто я здесь – пленница или гостя!

Виктория опустила глаза, пряча гнев: «Уж я-то хорошо представляю – кто ты здесь».

– Если тебе здесь не нравится, почему не воспользовалась тем, что Перетти уехал из палатцо Морно без тебя?! – Виктория искусно изобразила изумление.

Юлия зябко повела плечами:

– Сбежать?! Снова?

– Виктория, мне становится страшно. К чему эти игры? Зачем этот фарс с твоей свадьбой? Может быть, вместе нам удастся узнать о нашей дальнейшей судьбе? Вдруг он уже и мою свадьбу подготовил, – в голосе Юлии сквозило подлинное отчаяние.

Просьба маркизы озадачила Викторию, но она решила продолжить начатое. Поэтому взгляд ее, направленный на Юлию стал мягким и участливым:

– Право, я сама не знаю, что привело меня к тебе...

– Так ты поможешь мне? Папа уважает тебя и, может быть, прислушается.

– Я попробую. Но знай, вскоре я уеду.

– Попробуй узнать, что нас... меня ждет, – маркиза подошла к сестре и взяла ее за руки, заглянула в глаза. – Он сейчас будет здесь.

Заметив мелькнувшее в проеме двери лицо служки, Юлия быстро покинула комнату. Перетти вошел необычно стремительно:

– Я вижу, маркиза, у вас новый наряд?! Откуда?

Виктория повернулась лицом к вошедшему:

– Добрый день, Ваше Святейшество, – она опустилась в глубоком поклоне.

– Вы?! Разве вы не должны сейчас ожидать аудиенции в моей приемной?!

Изумление Перетти было неподдельным, это Виктория поняла сразу. Папа летел сюда уже будучи если не в гневе, то в раздражении. Значит, у Виктории был неведомый союзник, и все складывалось как нельзя лучше.

– Сестра просила меня зайти.

Глаза Папы подозрительно сузились, а следующие слова графини заставили его еще пристальнее взглянуть на Викторию.

– Но раз вы здесь, Святой Отец, я хотела вас отблагодарить и попросить разрешения покинуть Рим.

– Что-то очень быстро вы хотите оставить своего супруга, – он в точности повторил интонацию синьоры Морно. – Надеюсь, партия, которую я подыскал, пришлась вам по нраву?

– Благодарю. Но мне хочется просто отдохнуть. Меня здесь не очень ласково встретили. Поэтому позвольте мне...

Виктория подошла к Перетти ближе, распустила завязки на сумочке, которую не выпускала из рук, и протянула раскрытый футляр – там лежали подаренные им драгоценности:

– Это ваш подарок, возьмите. Мне, как сказала синьора маркиза, он более не пригодится...

Перетти потемнел от гнева. Не глядя на безделушку, он шагнул к женщине и, четко расставляя слова, проговорил ей прямо в лицо:

– Нет уж, отдыхать вы будете позже. Тогда, когда я это сочту уместным. А сейчас, если уж вам так не терпится покинуть новобрачного, прошу вас съездить в Тулузу к кардиналу Монтальто. Бенвенуто будет рад вас увидеть.

Так как часть внимания Виктории была обращена к двери, за которой скрылась Юлия, она уловила момент, когда та начала открываться.

Виктория буквально упала на колени перед Святым Отцом, поднесла его руку с перстнем к губам:

– Как угодно, Ваше Святейшество!

Обернувшись на вошедшую Юлию, графиня легко поднялась и направилась вон. Проходя мимо маркизы, Виктория сунула ей в руку приготовленную еще дома записку. Футляр с ожерельем остался на столе.

Наблюдавшая с недоумением последнюю сцену, маркиза и не подумала скрыть листок бумаги. После того, как закрылась дверь за синьорой Монро, Юлия прочла: «Сестра! Все, что окружает тебя – ложь. Не верь. Он просто желает твоей ревности». Свернув бумагу, она положила ее на стол, рядом с драгоценностями. Потом, вскинув голову, посмотрела на Папу.

– Святой Отец! У вас найдется немного времени, чтобы побеседовать со мной?

– Именно для этого я и пришел, – проговорил Папа, читая послание Виктории.

«Бог мой, неужели настолько явно?! – пронеслись в голове почти панические мысли. – Надо покончить с этим раз и... Навсегда?». Закончив чтение, он поднял на Юлию тяжелый взгляд:

– Нас беспокоит ваше поведение, маркиза. Вы распоряжаетесь в моем дворце как хозяйка, приглашаете гостей, которые невесть что пишут вам в записках. Вы забываете на каком положении здесь находитесь! Вас не должно быть видно и слышно.

Перетти немного помолчал, в упор глядя на нее, и наконец, спросил главное:

– Кто был у вас сегодня утром, после того, как я ушел?

– Великолепно! – Юлия зло усмехнулась. – Во-первых, вы когда-то сами учили меня не читать чужих писем, помните? Во-вторых, вы не соизволили мне объяснить на каком я здесь положении, поэтому я считаю себя вправе доставлять себе маленькие развлечения. В-третьих, – она склонилась перед ним в шутовском поклоне, – о, мой господин, я выполняю вашу волю и умолкаю. А о тех, кто приходит ко мне, вы знаете не хуже меня. Благо шпионов тут достаточно!

Юлия развернулась к нему спиной – резко и с великолепно выраженным презрением. И поэтому не заметила вовремя признаков опасности – плотно сжатых губ и багровых пятен на скулах Перетти. Его ответ был прерван стуком и открывшейся дверью:

– Святой Отец, – на пороге стоял кардинал Каррера.

Не обернувшись, Юлия резко бросила вошедшему: «Вон отсюда!»

– Молчать! – прогремел наконец-то Перетти, но уже через мгновение, совладав с собой, обратился к кардиналу:

– Что у тебя, брат мой?

– Простите меня... Я...

– Ждите за дверью, синьор Каррера, я сейчас выйду.

При взгляде на маркизу лицо Папы вновь исказилось злостью:

– Я еще вернусь, – и он стремительно вышел к ожидавшему под дверью монсеньору.

– Кардинал, кто вам сказал, что, разыскивая меня, вы можете врываться в покои синьоры Ла Платьер?

– Простите, я не подумал... И брат Иосиф сказал, что...

– Ах, брат Иосиф... Ну, говорите скорее!

– Сейчас на площади я наблюдал странную сцену, – Каррера совсем смутился под нетерпеливым, наполненным досадой взглядом Папы, но нашел в себе силы продолжить: – Когда синьора Морно вышла, к крыльцу подкатила карета, двое мужчин подхватили графиню и насильно усадили в нее. Я звал стражу, хотел их догнать...

Перетти скептически двинул бровью.

– А во дворце мне передали вот это, – Каррера протянул Сиксту странного вида бумагу.

– Что это? – понтифик брезгливо глянул на листок, но, чуть помедлив, взял его.

Развернув лист, Папа прочел, продираясь через жуткий почерк и множество ошибок: «Любезный кардинал, если ты и твой племянник хотите увидеть женщину, приготовь выкуп. Сумму узнаешь потом».

– Но она только что покинула дворец! – Перетти удивленно посмотрел на кардинала.

– Святой Отец, разрешите оставить на время курию и заняться этим делом лично.

– Вы с ума сошли? Скоро рождественская служба! После праздника я вас отпущу.

Тут открылась дверь комнаты Юлии, и вышла она сама. Маркиза обратила внимание на бледность кардинала:

– Что случилось? Сестра? Что-то с ней?

Не глядя на маркизу Феличе холодно произнес:

– Вы еще и подслушивали... Соизвольте зайти в комнату, синьора! А вас, синьор Каррера, я вечером жду у себя – вы, как всегда, послушаете мою проповедь на праздничную службу.

Теперь ему предстояло вернуться к маркизе. И не обращая более внимания на кардинала, Папа вошел в покои Юлии.

– Убежден, вы хотели что-то сказать мне... в свое оправдание?

– Хотела. Но оправдания тут ни при чем! Вы не забыли, что мы не на Востоке и я не ваша рабыня? Итак, на каком же я здесь положении? Что вам нужно от меня? Впрочем, это уже не важно. Я ухожу отсюда, – она замолчала, увидев холодный взгляд Перетти, и отвернулась к окну.

Что ему от нее нужно?! Больше всего сейчас он желал... обнять ее, заполучить ее губы в поцелуй, увидеть покорный податливый страстный взгляд. Это желание накрыло его вдруг такой сокрушительной волной, что он почувствовал слабость в коленях, готовность склониться и умолять ее об этом поцелуе, об этом взгляде. Но со слабостью Феличе Перетти боролся всегда и беспощадно. Что ему нужно? Чтобы она исчезла, чтобы ее не существовало! Отпустить?! Чтобы она где-то жила, смеялась, радовала кого-то другого?! Ни за что! Она должна вернуться туда, откуда пришла, откуда он ее призвал. Оброненные братом Иосифом фразы, разговоры за спиной, записка Виктории, а главное – поведение самой Юлии. Еще и это странное похищение, больше похожее на бегство... Гнев затягивал сознание плотной пеленой.

– Я предоставил вам все блага, вы преступили дозволенное. Вы хотели узнать, что с вами будет? Вы узнаете это сегодня вечером. А пока вас запрут здесь. Вам все ясно?

Она склонилась в поклоне главным образом для того, чтобы скрыть накотившийся страх, вызванный его ледяным тоном. Еще хуже ей стало, когда она услышала, как он прошептал уже от двери: «Убег от меня, Юлия, прошу, убег от меня. Прощай».

Время то длилось, вытягивая последние силы и решимость, и тогда Юлию сковывал ужас перед неизвестностью, то несло вскачь – и тогда она представляла, что вот он войдет, обнимет и скажет, что был глупцом, подозревая в каких-то грехах, что сам во всем виноват, что на самом-то деле любит ее. Но, несмотря на все эти метания, в глубине души Юлия чувствовала, что на этот раз проиграла, что будущее ее висит на волоске, а тот, с кем она связывала это будущее, готов перерубить волосок топором палача. И не важно, что сам он после будет мучиться. Ей-то уже будет все равно.

Маркизу потревожили только однажды – монахиня принесла еду и убрала в комнате. После дверь вновь закрылась на замок.

К ночи муки неизвестности и ожидания достигли предела, и Юлия уже была готова сама проситься в «кабинеты» к отцам-инквизиторам. Вдруг двери ее покоев раскрылись и вошли два человека. Оба в длинных плащах, из-под которых виднелось оружие. Один из них остался у дверей, второй спокойным голосом обратился к женщине:

– Собирайтесь, синьора.

– Вы можете меня оставить в покое хотя бы сейчас?! Мне некуда собираться!

Второй, плащ которого выглядел более богато, быстро пересек комнату, подошел к Юлии и взял ее за руки:

– Тише, умоляю вас. Простите, я не представился. Виною тому только мое волнение и обстоятельства нашей встречи. Франсуа де Вилль князь де Бельфор, ваш покорный слуга. Маркиза, я хочу, чтобы вы поехали со мной... во Францию.

В душе Юлии шевельнулась надежда, но тут же и подозрение, что все это провокация Перетти.

– Вы сошли с ума, сударь? Я никуда не пойду. Сегодня может решиться моя судьба. А теперь уходите. Я хочу остаться одна.

Юлия постаралась всем видом показать, что разговор окончен.

– Сударыня, я не могу медлить. После я все объясню.

Франсуа кивнул своему спутнику, и тот прижал к лицу маркизы остро пахнущий платок. Через несколько мгновений женщина погрузилась в беспамятство.

Подкупленный служка помог беглецам незаметно покинуть дворец.

Несколько дней дороги Юлия провела в полусне, ее приводили в себя только, чтобы она поела и оправилась.

Однажды утром синьора Ла Платьер проснулась на широкой уютной постели в светлой хорошо обставленной спальне. У окна стоял высокий черноволосый мужчина. Услышав, что женщина пошевелилась, он повернулся.

– Доброе утро, сударыня, – заметив обеспокоенный взгляд Юлии, он поспешил продолжить. – Не бойтесь. Я не причиню вам вреда. Помните? Я Франсуа. Вы во дворце Бельфоров в Доле. Прошу вас, простите меня за столь неожиданное вмешательство в вашу судьбу. Я знаю о вас все через вашу сестру, Викторию де Бюсси.

Маркиза была зла – на себя, на Перетти, на Викторию, на этого человека, вообще на весь свет. У нее болела голова от всей гадости, которой ее пичкали в дороге. Кроме того, она не могла понять, что нужно де Виллю от нее.

– Простите, сударь, но... Я могу понять все, кроме одного – зачем вам нужно было рисковать своей честью, жизнью, наконец? И где же моя сестра?

Голос Юлии звенел от сдерживаемой злости. О, как ей хотелось дать волю своему гневу! Но здесь правила игры ей были незнакомы, и она лишь холодно улыбнулась.

Франсуа стоял у окна так, что все черты его лица были хорошо видны – он был бледен, взгляд был каким-то усталым, тусклым, но в глубине угадывалась улыбка:

– Вы вправе осуждать меня, но я движим только одним желанием – обеспечить вам спокойную счастливую жизнь. Я понимаю, вы не верите ни одному мужчине. Это ваше право. Я наблюдал за вами долгое время. Однажды я даже был в гостях у вашего супруга – маркиза Ла Платьер. Но, движимый ревностью, он так и не позволил нам пообщаться. И наконец, когда ко мне пришла ваша сестра, я решил – сейчас или никогда.

Слова о том чувстве, которое терзало его вот уже несколько лет, так и не были произнесены. Мужчина опустил голову, но тут же вновь вскинул и прямо посмотрел на маркизу:

– Ваша сестра на вилле. Ее, хм, выкрал собственный муж, чтобы увезти из... от... в общем, подальше. Влюбленный супруг редкость в нашем мире, а может и он просто чертовски ревнив. Вы хозяйка здесь. А пока прошу меня простить, нужно еще кое-что устроить для вашего удобства, – Франсуа чуть поклонился и двинулся к двери.

– Пойдите! Я не знаю, что вам рассказала Виктория обо мне, но я должна сказать вам – я не могу принять то, что вы хотите предложить мне. Сейчас у меня нет ничего – ни имени, ни состояния. Прошу вас, не считайте меня безумной, но я не могу остаться здесь. Я должна

отплатить за все – за боль и страдания – человеку, которого вы знаете, которого я ненавижу и, – она посмотрела ему в глаза, – люблю.

Ничего не ответив, де Вилль вышел.

Они увиделись вечером, маркиза спустилась к ужину. Когда трапезе было отдано должное, князь поднялся и обратился к Юлии:

– Сударыня, вот мое решение. Земли у меня небольшие, титул звучит дольше. Я последний отпрыск рода де Виллей. А посему мой жест никого не удивит. Вы примете мой титул, мое имя и, надеюсь, мою заботу. А после, если захотите, можете ехать в Рим.

Франсуа взял Юлию за руку и поднес к губам ее пальчики. Было видно, с какой болью ему удалось проговорить «в Рим». Не дав маркизе возможности возразить или поблагодарить, Франсуа стремительно покинул зал.

Тем временем в Риме Папа был поглощен торжествами по случаю Рождества. Поначалу он пытался найти беглянку, но вскоре дела вытеснили ее из головы, а сердце Перетти сам закрыл на увесистый замок. Он хотел забыть. А своим желаниям Феличе Перетти привык потакать. Его ждал фундамент нового собора.

Юлия стала супругой Франсуа де Вилля. Она старалась забыть прошлое, но оно возвращалось к ней ночами в беспокойных снах. А потом в этих снах стал все чаще появляться ее сын – то младенцем, которого уносят из сумрачной комнаты, то епископом, требующим склонить голову под благословение. В конце концов, стало очевидно – у Юлии будет ребенок. Франсуа обратился к своему покровителю Гульельмо Гонзаго герцогу Монферрат с просьбой прислать лучшего лекаря для супруги. Спокойная жизнь, забота и любовь мужчины сотворили чудо. Но во благо ли?

Однажды Франсуа вошел в покои жены. Юлия заметила, что князь чем-то взволнован. Легко поднявшись из кресла, она подошла к нему:

– Что случилось, друг мой?

– Все в порядке, любимая.

Он собрался уже обнять женщину, когда в дверях показался слуга:

– Прошу простить меня, но ваша светлость велели это письмо принести сразу...

Де Вилль подошел к свече и тут же начал читать. Графиня вернулась в кресло, не желая ему мешать. Вероятно, новости оказались приятными: «Кортеж Святого Отца проследовал в Авиньон минуя земли Бельфора». Заметив, как от радостной усмешки посветлело лицо супруга, Юлия сочла момент благоприятным для своей деликатной просьбы:

– Франсуа, позвольте просить вас... Я хочу написать письмо. В Рим. Простите меня, но мне необходимо это сделать!

Она говорила, а он гасил свечи. Рядом с Юлией оставалась последняя свеча. Мужчина потянул графиню к себе, поцеловал.

– Это не кончится добром, Юлия. Не нужно...

– Франсуа, я прошу...

Ссориться с этой женщиной, когда она так смотрела на него, он не мог. И Франсуа сдался, лишь мягко проговорил прямо в ее губы:

– Когда-нибудь я смогу рассчитывать на твою взаимность.

Глава 8

Заручившись согласием супруга, графиня отправила человека в Рим с запиской к брату Иосифу, где просила передать письмо для Перетти: «Ваше Святейшество! Я жива, и я прошу Вас не забывать об этом. Я стала женой другого и более никогда не потревожу Вас. Муж, который любит меня, и ребенок, которого я ношу под сердцем, остановят меня. Я хочу, чтобы Вы были живы еще долгие годы. Юлия де Вилль графиня Бельфор».

Первым сигналом тревоги для Франсуа стало известие о желании Виктории де Бюсси навестить сестру. Причиной для беспокойства были неутраченные слухи о внезапной необъяснимой смерти ее супруга графа де Морно. Говорили, что кардинал Каррера пытался добиться у Папы расследования, опротестовывал завещание, по которому все богатства Морно отошли вдове. Но Сикст ответил отказом. Такое высокое покровительство не давало возможности каким-либо образом помешать этому визиту. И спустя некоторое время князь наблюдал из окна, как по саду прогуливаются две женщины – Виктория и Юлия.

– Юлия, на пути к тебе я встретила гонца. На него в лесу напал какой-то сброд, но мои люди отогнали их... Юноша был ранен, мне пришлось оставить его в ближайшей деревне. Он сказал, что должен доставить письмо в Рим от графини де Бельфор.

– И что? – Юлия всеми силами постаралась не показать насколько ее заинтересовала эта история.

– Я вижу, ты ждешь ребенка. Ты стала еще красивее, – Виктория улыбнулась. – Но Папа сейчас не в Риме. Перетти в Авиньоне. Твой муж ничего не сказал тебе?!

– Какое мне дело, где Перетти. Значит, он получит письмо позднее, когда вернется.

– Прости, возможно, я была не права... Я убедила твоего посланца отправить письмо с моим человеком в Авиньон. Уверена, Папа будет рад получить от тебя весточку. Возможно, он даже решит заглянуть к вам на обратном пути.

– Прости, сестра, пришло время принимать настой трав. Я покину тебя, встретимся за ужином.

Если бы Юлия так не спешила спрятать свои чувства, вызванные словами и поступком Виктории, а главное вероятностью встречи, она увидела бы как участливое, сочувственное выражение на лице ее собеседницы сменилось холодным удовлетворением.

Князь, заметив, что Юлия быстро возвращается в дом, решил поинтересоваться, чем она взволнована, но на пути его остановил слуга с внушительным конвертом в руках. На конверте красовался герб Ватикана.

– Я же говорил, Юлия, это не кончится добром, – тихо проговорил Франсуа, понимая, что это послание может означать только одно – Папа едет в Бельфор. Перетти едет к его жене.

Оставалась еще надежда, что герцог Монферрат воспротивится визиту. Но через день эта надежда угасла – герцог повелел принять Святого Отца со всем возможным гостеприимством. Гульельмо не пожелал ссориться с Римским владыкой.

Время шло, и дальше откладывать было уже нельзя. В один из вечеров де Вилль раньше обычного оставил дам наедине. Для князя Виктория оставалась любящей сестрой, поэтому он просил ее сообщить новость графине. Сам Франсуа не желал видеть реакцию супруги – ни отчаяние, ни радостную надежду. Но об одном он тревожился особо – лекарь утверждал, что переживания могут пагубно отразиться на здоровье графини, а значит и на беременности.

– Сестра, князь поручил мне сообщить тебе одну новость.

Юлия еще днем по беспокойным взглядам супруга поняла, что что-то надвигается. Более того, она была почти уверена, что знает, о чем хочет сообщить Виктория. И все же произнесенное заставило ее побледнеть.

– Сюда едет Перетти, – медленно проговорила Виктория и тут же добавила: – Тебя это радует?

– Я этого боюсь, – неожиданно спокойно ответила графиня. – Но, надеюсь, это радует тебя, сестра.

Небольшой дворец Бельфоров был готов к приему высокопоставленного гостя и сопровождающих его лиц. Только вот почему-то хозяйка в этой подготовке почти не участвовала. Князь, опираясь на поддержку лекаря и Виктории, оградил супругу от волнений. Юлию убедили временно перебраться из ее покоев в более спокойное крыло дома.

Однажды, вскоре после полудня, слуга сообщил князю, что на горизонте показался кортеж римского понтифика. Вообще-то Его Святейшество ждали только на следующий день, но видно Перетти что-то торопило. Или он торопился к кому-то? Франсуа мог только в бесильном гневе сжимать кулаки.

Не смотря ни на что, церемонию встречи и гость, и хозяин провели безупречно: папа Сикст допустил князя к перстню, де Вилль расписался в совершеннейшей преданности Святому престолу. При этом оба понимали, что главная схватка впереди. Когда с приветствиями было покончено, Перетти как бы между делом поинтересовался:

– Князь, а где же ваша супруга? Почему она не вышла нас встретить?

Взгляды мужчин едва ли не впервые за все время церемониала встретились. На миг оба забыли, что один является полновластным господином своего дома, а другой – одним из владык мира. Стоявшие рядом с Перетти кардинал Каррера и брат Иосиф заметили, как забились на виске Папы жилка. Оба хорошо знали, что это признак бушующей в нем ярости. А брат Иосиф знал и то, что причиной этой ярости является... ревность. Франсуа физически ощущал угрозу, исходящую от высокой широкоплечей фигуры в торжественном белом одеянии. Но он действительно любил и желал защитить свою любовь и Юлию от этого человека. Князь уже открыл рот, чтобы дать достойный ответ на бестактный вопрос, когда Перетти вновь заговорил:

– Или ваша жена не считает себя достаточно верной католичкой, чтобы приветствовать своего пастыря? Тогда ваш долг, князь, просить помощи, да вот, хотя бы брата Иосифа. Его подопечные объяснят графине, что значит быть супругой верного католика.

По мере того, как от слов Святого Отца с лица князя сходила краска, на губах Перетти проявлялась злая улыбка.

Наконец Франсуа сумел проговорить:

– Прошу простить графиню, Ваше Святейшество. Утром она плохо себя чувствовала, ее положение, знаете ли...

Перетти вдруг махнул рукой, сменив гнев на милость:

– Не стоит каяться за чужие грехи, дорогой князь, – но Каррера уловил, как сыграли желваки на скулах Феличе при упоминании «положения» Юлии. – Уверен, мы увидим графиню за обедом. А пока, любезный хозяин, мы хотели бы отдохнуть с дороги.

– Да, Святой Отец.

Папа и его компания разошлись по отведенным комнатам. Брат Иосиф, как обычно, проследовал за своим господином. «Этот де Вилль ее не удержит. Слабак. Прикрылся-таки ее пузом», – думал монах, размеренно шагая следом за Перетти.

– Иосиф, ты сделаешь дырку в моей сутане, если будешь и дальше так напряженно смотреть мне в спину, – Перетти на ходу обернулся и успел заметить следы размышлений на лице своего верного слугителя. – Что ты увидел?

– Вы можете ее забрать отсюда, Святой Отец, как только пожелаете.

Когда Юлия узнала, что Перетти приедет в Бельфор, ей показалось, что мир рушится. Все, чего она добилась, пытаясь забыть и примириться с прошлым, могло исчезнуть с появлением этого человека. Отправив письмо Перетти, она ждала, надеялась на ответ, а не получив его, смирилась. Смирилась со всем – с нелюбимым мужем: Юлия уважала Франсуа, но питала к нему лишь дружеские чувства; даже с тем, что ее переселили в дальнее крыло дома. Она хотела убить в себе графиню Тулузы – гордую и непокорную, и стать графиней Бельфор – примерной женой, а после и матерью.

Но известие Виктории разбредило рану. Юлия не спала всю ночь накануне приезда Папы. Она впервые в жизни не знала, как поступить. То ей хотелось бежать из замка навстречу Перетти, то она обещала себе предстать перед ним счастливой и прекрасной.

Утром, с первыми лучами солнца, графиня позвала своих служанок, и через несколько часов ее туалет был закончен. Платье темно-зеленого бархата мягко обрисовывало чуть расплывшую фигуру, белизну плеч подчеркивало ожерелье из жемчуга золотистого оттенка. Отливающие золотом и медью волосы спускались локонами из-под изящной сеточки, плетеной из золотых ниток и так же украшенной жемчугом. Если бы не едва заметные лучики морщинок у глаз, ей можно было бы дать не больше двадцати лет, да и эти морщинки смотрелись скорее как признак смешливости, а не возраста.

Уловив оживление слуг, Юлия догадалась о приближении кортежа высокого гостя. Но наступившее почти сразу затишье в ее апартаментах, насторожило графиню. Не дождавшись посыльного от мужа, она решила сама подняться в главный зал, но дойдя до двери обнаружила, что та заперта снаружи. Юлия поняла, что снова оказалась на правах пленницы. Снова кто-то принимает решение за нее! Вновь ее судьба принадлежит другим! И диктует ей условия тот, кто... От следующей мысли, едва не прозвучавшей вслух в порыве праведного гнева, у Юлии помутилось в глазах: «Тот, кто не достоин и ногтя на ...его... мизинце». Графиня разозлилась на мужа, на свою глупость, но больше всего – на Перетти! И тогда женщиной овладело безумие. В ярости она метнула что-то попавшееся под руку в зеркало с такой силой, что венецианское стекло пошло трещинами, растерзала в клочья платок и манжеты платья и, сдерживая крик, закусив губы. Боль и капельки крови привели ее в чувство. Юлия подошла к окну и замерла, глядя в синее безоблачное небо. Она не думала ни о чем, ничего не хотела, не ощущала течения времени. Ею завладела пустота.

У дверей выделенных ему комнат Перетти увидел синьору, замершую в глубоком поклоне. Небрежным жестом благословив ее, он прошел мимо.

– Феличе! И это все?!

Крайне удивленный подобным обращением, Папа обернулся. Узнав Викторию, Перетти скрипнул зубами, но в следующее мгновение по-светски учтиво улыбнулся:

– Ах, это ты, дорогая! Приятная встреча. Хотя я должен был предположить, что ты не оставишь сестру в трудном... положении. Проходи.

Перетти пропустил даму вперед, а сам задержался, чтобы сказать несколько слов брату Иосифу.

Виктория заметила гнев понтифика, но не подала вида. Она прошла в его покои с гордо поднятой головой.

– Итак, Виктория, рассказывай, как проводишь время. Ты ведь теперь совершенно, – Перетти выделил это слово, – свободна.

– Прекрасно, – с холодной отстраненной улыбкой ответила синьора Морно.

– Жаль, что тебя не было на пасхальной службе в этот раз. Праздник удался как никогда. Надеюсь, ты провела его в молитвах, дочь моя?

Виктория снова улыбнулась: «В молитвах, святой отец, в молитвах».

– Монсеньор, я прошу отдать мне кольцо, которое я вручила вам однажды как символ моих чувств.

– Вот как?! Но я не вожу такие драгоценности с собой, – Перетти усмехнулся. – Приходи ко мне в Риме. Там мы об этом и поговорим.

Феличе откинулся на спинку кресла. Виктория прошла по комнате, ее взгляд задержался на гобелене со сценой охоты – егерь кинжалом добивал подстреленного господином оленя:

– Не правда ли, красиво?

Папа скривился от отвращения.

– Виктория, на столе фрукты. Угощайся и угости меня.

Женщина выбрала гроздь винограда и шагнула к Феличе. Несколько ягод оказались в ее ладони. Не отрывая взгляда от глаз Виктории, мужчина взял губами виноградину с ее руки. Но как только он подался к ней всем телом, женщина отступила. Перетти усмехнулся и вновь откинулся в кресле, глаза его при этом нехорошо сверкнули.

– Этой же рукой ты предложила Морно яд? – вкрадчиво спросил Перетти.

Если этой фразой он хотел заставить Викторию испугаться или хотя бы смутиться, то ошибся. Графиня чуть пожала плечами и спокойно ответила:

– Я не травила своего мужа. Он сам ошибся в выборе поставщика вина.

Виктория отошла к стене, провела по обивке рукой. В стене открылся не видимый до того проход.

– Если вам понадобится выход, он здесь.

– Похоже, ты знаешь этот палаццо лучше, чем его хозяин?! Благодарю. Но что мне может угрожать в доме верного католика?!

– В доме ревнивого мужа, – Виктория стояла у стены и смотрела на Перетти.

Они оба повернулись на шаги вошедшего.

– Монсеньор?! – вскрикнула Виктория.

Глаза Перетти мстительно зажглись:

– Чему ты удивляешься? Мне кажется, вам есть, что сказать друг другу.

– Добрый день, монсеньор, – Виктория уже была спокойна и прямо смотрела на кардинала Карреру.

– Вижу, вы не слишком удручены смертью моего племянника, который был вашим мужем!

– Моим мужем?! Да будет вам известно, он так и не смог им стать, – злая улыбка исказила губы женщины.

– То есть брак не был свершен? – поинтересовался кардинал. – Тогда о каком наследстве...

Виктория не дала ему договорить:

– Он не стал мужем, потому что не смог завоевать сердце своей супруги!

– Он не успел! А вы не соизволили подождать!

– Подождать?! – казалось, Виктория была искренне изумлена.

Она рассмеялась. Потом вдруг посерьезнела и с горечью проговорила:

– А с синьорой Вильен он успел...

И де Бюсси выскользнула в открытый ею проход.

Каррера обернулся на звук смеха. Перетти стоял у стола и наполнял кубок вином:

– Не везет тебе, кардинал, с женщинами. Давай выпьем, друг мой.

Когда Перетти повернулся с двумя кубками в руках, злой огонек в маленьких глазах Франческо Карреры был уже надежно спрятан.

Дверь в комнату графини де Бельфор открылась бесшумно. Вошел Франсуа. Он уже справился с чувствами после встречи с Папой, а потому подошел к супруге с легкой улыбкой:

– Дорогая, как ты себя чувствуешь?

Юлия очнулась от забытья.

– Прекрасно! Или мой вид говорит о другом?

Только тогда князь заметил и зеркало, и клочки ткани, и бахрому вместо манжет.

Франсуа нахмурился, но следующие слова Юлии развеяли тревогу.

– Как прошел прием? Ты так печален, друг мой, – графиня улыбнулась мужу.

– Ты хочешь выйти к обеду? – неожиданно для себя спросил Франсуа.

– Если ты не хочешь, я останусь здесь, но я думаю, лучше мне выйти.

Де Вилль помолчал, отвернулся, потом проговорил:

– Да, наверное так лучше... А то Его Святейшество разнесет Бельфор по камню.

Юлия с сомнением посмотрела на супруга – что это? Сарказм? Или истерика?

Графиня подошла к Франсуа и обвила его шею руками, с улыбкой прошептала:

– Ну, перестаньте хмуриться, князь! Вместе мы его устроим. Ступай, я выйду к обеду, если двери не будут снова заперты. Мне надо переодеться.

Через некоторое время графиня была готова предстать перед гостем счастливой и прекрасной.

[Вот и первый пробел в сюжете. В утраченной тетради, по воспоминаниям авторов, описаны следующие события. Совместный обед героев проходил в раскаленной атмосфере: Франсуа, преодолев приступ малодушия, держался достойно; Юлия вполне натурально исполняла роль счастливой супруги, Феличе сходил с ума от бешенства, но даже взглядом не дал понять этого заинтересованным лицам. Ночью в замке Бельфоров начался пожар. Целью, скорее всего, был Папа, но, вероятно чтобы отвлечь подозрение от хозяина, здание подожгли сразу в нескольких местах. В пожаре, к несчастью, погиб князь. Виктория исчезла еще накануне вечером. Перетти очень пригодился проход, открытый де Бюсси, – он сумел спасти Юлию от огня. Но ребенка графиня потеряла. Тут проявились весьма глубокие познания Перетти и брата Иосифа в медицине. В конце концов, все герои вернулись в Рим. Как и сказал иезуит – Перетти смог забрать Юлию.]

Глава 9

...Юлия дю Плесси Бельер, вдова князя де Бельфор, добилась главного – Феличе Перетти признал свое чувство к ней. В это время не было женщины счастливее. Вернувшись в Рим, Перетти вновь погрузился в большую политику. Покорялись Святому престолу земли и их правители, строился Рим, осушались болота. Папский флот избавил побережье от пиратов, а папские сбирь – дороги от бандитов. Преобразилась сама церковь – Перетти сломил сепаратизм римской курии. Покорившиеся получили места в новых конгрегациях, остальные «ушли» из Рима, а иные – из жизни. Властью и славой Папа Сикст превзошел самого Иннокентия III. Он пребывал на вершине, но что за тоска омрачала взгляд Феличе Перетти по вечерам? Почему так задевало выражение скуки на лице той, с чьим именем в сердце одерживал он эти победы?

Вечером того дня, когда Доминик Фонтана воздвиг на площади перед собором Святого Петра монументальный обелиск, Папа был в своих апартаментах на последнем этаже Апостольского дворца. Целый день из окна малой приемной Перетти наблюдал, как сотни рабочих с помощью системы лебедок поднимали двадцатипятиметровую колонну. Рядом с ним находился брат Иосиф. Не раз монах замечал, как на напряженном лице Папы шевелятся губы – Сикст молился. Когда статуя святого Петра вознеслась над площадью, Перетти отшатнулся от окна со словами:

– Ita est. Fiat⁷.

Потом, не скрывая выражения торжества на лице, обернулся к иезуиту:

– Ну, что? Все еще жалеешь, что не убил меня?

От неожиданности вопроса монах не сдержал досадливую гримасу. Перетти рассмеялся довольный тем, что застал его врасплох.

– Думаешь, кто-то был бы лучшим Папой, чем я? Ведь не кобелем же за юбкой ты сюда пришел тогда, – взгляд Перетти ожег брата Иосифа не хуже плети.

– Это давняя история, – огрызнулся монах.

– Я не знаю, что значит слово «давняя» в устах иезуита. Но уж точно не «забытая». Ведь так?

– Ваше Святейшество все еще сомневается в моей преданности?

Перетти не ответил. Вернувшись вновь к окну, он махнул рукой в сторону стола:

– Там лежит бумага, прочти.

Брат Иосиф взял в руки довольно большой исписанный лист. По мере чтения лицо соратника понтифика черствело, а под конец его искажал гневный ужас. Сикст обернулся, когда услышал тихое:

– Ты не посмеешь этого сделать, Перетти. Только не теперь.

– Именно теперь, брат мой!

Ответить монах не успел, в кабинет вошел один из папских секретарей:

– Святой Отец, синьор Фонтана просит принять его. На площади был нарушен ваш указ о тишине.

– Проводи моего дорогого архитектора в зал. И этого нарушителя тоже!

И Папа Сикст направился из кабинета. Уже на пороге он обернулся к монаху и с усмешкой произнес:

– Мне тесно здесь. Мы заскучали, – и вышел.

Иосиф отбросил бумагу, которую все еще держал в руках, и устало провел руками по лицу: «Мы?! Юлия! Дьявол!» Иезуит глухо застонал, а после невесело рассмеялся.

⁷ Быть по сему. Конец. (лат.)

Ближе к ночи граф де Невре, как предпочитал именовать себя Перетти вне стен и обязанностей Ватикана, вошел в дом Юлии де Ла Платьер. Глаза его светились лихорадочной радостью:

– Ты видела ее? Она прекрасна!

– О, да. Еще один символ твоего величия, – графиня мягко улыбнулась. Она говорила спокойно, даже слишком спокойно. Ее мысли были заняты другим.

– Феличе, я искала сегодня монсеньора Карреру. Боюсь, что-то случилось с Викторией. Она прислала мне записку, где написала, что уезжает. Странно это все. Словно она бежит от кого-то.

Перетти неопределенно хмыкнул:

– Ничего странного. Каррера несколько дней выпрашивал у меня под разными предложениями поездку... Она не бежит, она увлекает. И вряд ли уедет далеко. Виктория не добыча. Эта женщина – охотница. Я дал ей племянника, а оказалось ей нужен дядя.

Слова мужчины были наполнены ядом. Юлия внимательно посмотрела на него.

– Ты же сам отказался от нее. Что ей оставалось? В Риме трудно без покровительства красной мантии.

– И она угадала! Скоро эта красная мантия станет белой.

– Феличе, ты еще не оставил свою безумную затею?

– Подготовка в самом разгаре. Я уже назначил точный день. Завтра я сообщу это своим кардиналам. А после Рождества... Но пусть это будет для тебя сюрпризом.

Лицо Юлии озарилось любопытством:

– Что ты еще придумал?

– Нет. Помучайся...

– Да, для тебя главное удовольствие – видеть, как я мучаюсь, – графиня отвернулась к столику с фруктами, чтобы скрыть обиду. Трудно было понять, шутит она или говорит серьезно.

Перетти устало откинулся в кресле, вытянул ноги, но следующие слова Юлии заставили его насторожиться.

– У меня тоже есть для тебя сюрприз, – проговорила она медленно, подбирая слова, – но сначала пойдем к столу, ты наверняка голоден.

Перетти поднялся, приблизился к женщине и обнял ее. Он почувствовал, как она напряглась в его руках.

– Ты что-то скрываешь. Скажи мне, – потребовал Феличе.

– Я? Ничего.

Юлия будто боялась встретиться с ним взглядом, поэтому торопливым шагом направилась в комнату, где их ожидал накрытый стол. В несколько широких шагов он нагнал ее, за плечи развернул к себе:

– Юлия де Ла Платьер, посмотри на меня! Ты же знаешь, что обманывать меня бесполезно.

Со вздохом она подняла глаза:

– Я никогда не обманывала тебя. Я хочу уехать из Рима. Одна. Не спрашивай, зачем и почему. Я просто хочу уехать. Я ни от кого не бегу. Никого не увлекаю, – Юлия усмехнулась.

Его руки опустились, а сам он отошел от нее.

– Одна?! Но... почему? – вопрос Перетти задал почти шепотом.

– Я могу тебе не отвечать?

– После Рождества мы уедем вдвоем. Ты же давно хотела... приключений. Я чувствовал это! У меня есть идея. Мы возьмем с собой Иосифа, у него есть несколько проверенных людей. У тебя будет все, что ты пожелаешь. Поедем, куда ты захочешь. Мы не просто уедем из Рима, мы сбежим из Рима!

В глазах Юлии мелькнул интерес и тут же погас.
– Ты, прежде всего, священник. Ты не можешь...
Он прервал ее повелительным жестом:
– Не говори мне, что я чего-то не могу!
– Это только мечты, – когда она потянулась за бокалом, рука ее дрожала.

Юлия никуда не уехала. После Рождественских торжеств сославшись на крайне ослабленное здоровье и невозможность в связи с этим блюсти Церковь, Сикст отрекся от тиары. Злые языки, правда, говорили, что не ослабленное, а, напротив, отменное здоровье Перетти увлекло его с трона за женской юбкой. Кардиналы курии перешептывались и переглядывались в замешательстве. Сам Перетти был убежден, что совершил достаточно подвигов во имя веры, чтобы Господь простил ему грех отречения. Чтобы не дать повода обвинить себя в давлении на выбор нового Папы, Перетти объявил, что здоровье не позволяет ему выполнить и его кардинальский долг. Феличе заперся на своей вилле, куда для убедительности прихватил и лучшего римского лекаря – Давида Лейзера. Брат Иосиф остался возле протезы бывшего Папы – кардинала Франческо Каррера. Он должен был всеми способами обеспечить ему голоса на конклаве, а с другой стороны – проследить, чтобы избранник не забыл о своих обещаниях и гарантиях в пользу Перетти.

В конце мая Франческо Каррера был избран римским Папой и принял имя Климент, а кардинал Феличе Перетти отправился легатом в милую сердцу Тулузу. Каррера отправил бы своего наставника еще дальше от Рима, но очень уж его беспокоили здоровье и жизнь одной небезызвестной синьоры, по слухам, носящей к тому времени под сердцем его дитя.

В одной карете с его преосвященством ехал брат Иосиф. Часом позднее город покинула синьора Юлия де Бельфор. В местечке Фиано две кареты встретились, к ним присоединился отряд всадников. Перетти давно сменил сутану на пурпуэн, а мягкие туфли – на ботфорты. Теперь на его груди вместо распятия лежала пряжка перевязи, на которую крепились шпага с необычно тяжелым эфесом.

И вот незадача, в Тулузе кардинала Перетти не дождались. Он и те, кто был с ним, пропали где-то между Болоньей и Пармой. Зато через несколько недель в округе заговорили об отряде молодцов, промышлявших разбоем. Как говорили, предводительствовал в отряде некий Джакомо Сарто. Свое прозвище – Портной – Джакомо получил за то, что ограбленных до нитки ростовщиков его подручные наряжали в полосатые короткие балахоны и в таком виде оставляли привязанными в их конторах. А еще говорили, что с Сарто всегда рядом красивая золотоволосая синьора с манерами придворной дамы. Нередко отряд занимал целую деревню, но к подходу сколько-нибудь внушительных сил порядка они исчезали, чтобы вновь проявить себя где-нибудь в соседнем городке. Добрался Сарто и до Феррары. Эти земли недавно отошли к Папской области, и о бесчинствах разбойников было доложено Клименту. Конечно, Папа приказал поймать негодяев. Если бы он знал, кого ловит! Получив сообщение, что на его поимку Климент отправил несколько вооруженных отрядов, Сарто принял неожиданное решение – он повел своих людей на юг, ближе к Риму. Через год развеселой жизни Джакомо Сарто объявился близ Тиволи. Оставив людей в ближайшем селении, Перетти-Сарто и Юлия поселились в городе. Отправленный вперед Иосиф сумел найти для них небольшой дом и теперь изображал слугу при благородной семейной чете. Для женских премудростей Феличе приказал найти и доставить в Тиволи Женеьеву – старую римскую служанку-компаньонку графини.

Перетти не спалось. Укрыв Юлию еще одним шерстяным одеялом, он спустился из спальни в столовую. Там Феличе обнаружил брата Иосифа, которого в последнее время предпочитал именовать бароном. Тот был полностью одет, будто только пришел или, напротив, куда-то собрался. Перетти глянул на иезуита с подозрением, но после вспомнил, что тот предупреждал о необходимости встретиться со своим Генералом.

– Какие новости? – Феличе прошел к столу с напитками, налил вина.

– Ваш сын защитил диссертацию.

– Тему он так и не сменил?

– Нет. «Сила и слабости сатаны». Написано с большим знанием дела. Такому позавидовали бы и толедские доктора... Аквавива обеспокоен.

– Чем же обеспокоен твой Генерал?! Из Бенвенуто выйдет хороший инквизитор!

– ...или сатанист... или еретик.

Перетти резко поставил бокал на стол и приблизился к брату Иосифу. Вопреки обыкновению, монах не отступил, более того, Феличе разглядел, насколько холоден его взгляд.

– Это будет на твоей совести, провинциал, – зло проговорил кардинал.

– Ты сам определил его в Сапиенцу, а не в наш колледж.

– Достаточно того, что ты его Учитель.

– Он слишком своенравен...

– Ну, договаривай!

– Совсем как его отец и мать.

Перетти вдруг довольно улыбнулся:

– Я бы сказал – независим.

Их взгляды встретились, но тут уже брат Иосиф первым опустил глаза.

– Как угодно вашему высокопреосвященству.

Черты лица Феличе вдруг смягчились, он положил руку на плечо монаха:

– Иосиф, обещаю тебе, если Бенвенуто выберет не ту дорогу, ты остановишь его. Я не смогу. Я слишком люблю его для этого.

Монах коротко глянул на своего патрона и ответил:

– Можете на меня положиться, монсеньор.

Перетти вернулся к своему бокалу.

– У меня еще одна новость. Из Ватикана, – брат Иосиф протянул бумагу.

Чтобы прочитать написанное, Перетти пришлось подойти ближе к свечам. Через минуту Иосиф услышал гневное восклицание, за которым последовала вереница ругательств:

– Мерзавец! Он разоряет мою сокровищницу!

– Папскую сокровищницу, – не без издевки поправил брат Иосиф.

Перетти только рыкнул в его сторону и отбросил бумагу в сторону. Монах тут же прибрал ее подальше.

– Подожди меня здесь, – и Феличе вышел из столовой.

Вернулся он, завязывая плащ, под которым угадывалась пристегнутая к перевязи шпага.

– Пора нанести кое-кому в этом городе визит.

– Сейчас?! Ночью?

– Именно. Ночью и не через дверь. Ты ведь сможешь добраться до второго этажа, а, синьор барон?

– Заберусь сам и еще вам помогу.

Мужчины вышли в темный город.

Юлия проснулась от тишины: рядом не слышалось дыхание, не чувствовалось ничье присутствие. Пошарив по постели рукой, она поняла, что Феличе снова не спит. Ее собственный сон тут же растворился в этой тишине. Графиня поднялась, накинула на плечи шаль и напра-

вилась из спальни. Спустившись в гостиную, она успела услышать, как закрылась входная дверь. Обернувшись на стол, Юлия увидела то, что ожидала – пустую бутылку. Губы женщины от досады сжались в тонкую линию. Графиня села в кресло ждать возвращения Феличе.

По пути Перетти затащил брата Иосифа в кабак. Там он опустошил еще одну бутылку. Его спутник не переживал: количество выпитого для Перетти было еще далеко от критического. Но один вопрос иезуита все же беспокоил:

– Куда мы идем, ваша светлость?

– Иосиф, Иосиф, только не говори мне, что не догадываешься. А то я в тебе разочаруюсь.

Иезуит помолчал, потом с сомнением проговорил:

– Но как вы узнали, что она здесь?!

– Ты не единственный мой источник информации, – Перетти усмехнулся. – Пора напомнить этим голубкам кому они обязаны своим благополучием.

Брат Иосиф заметил в неверном свете уличного огня, как зло блеснули глаза кардинала.

Через стену сада они перебрались довольно легко. Дальше по дереву до балкона на втором этаже.

– Здесь ее спальня, – тихо проговорил Перетти, и они вошли в дом.

На постели спала женщина. Глядя на ее белую в лунном свете кожу, Феличе почувствовал сладкое напряжение. Повернувшись к монаху, он проговорил со смешком:

– Иосиф, зря я тебя с собой взял...

Иезуит только фыркнул. Этот звук оказался достаточно громким, чтобы разбудить спящую. Дом огласил женский крик. На постели графини оказалась ее служанка Луиза. Сама же хозяйка со слугами поспешила на шум из детской, куда заглянула, вернувшись с прогулки по саду во внутреннем дворе.

– Сандр! Арно! Жан! Огня!

Когда комнату осветили свечи и фонари, Перетти заметил, что они с братом Иосифом не единственные ночные визитеры в этом доме. Возле портьера прятался еще один мужчина, по виду дворянин, а не вор. Лицо его показалось Перетти смутно знакомым. Решение было принято мгновенно – вытолкнув иезуита на балкон, Феличе отправил к нему незнакомца:

– Забери его с собой, – а сам загородил собой проход.

– Кардинал?!

К вошедшей в спальню Виктории Перетти обратился уже вооруженный своей самой обаятельной улыбкой:

– Так-то вы встречаете старых друзей, графиня!

– Так-то вы входите! – Виктория была рассержена. Присмотревшись, она воскликнула: – Да вы пьяны! Сейчас вас проводят, а после, когда протрезвеете, мы поговорим.

Перетти окружили трое слуг графини. Разглядев сомнение на лице визитера, хозяйка добавила:

– И прошу вас, не шумите. Попробуйте только разбудить дочь!

Перетти смирился. Открытый конфликт не входил в его планы. Он хотел произвести впечатление, напугать. Но, увы. Оставалось подчиниться требованию и выждать более удобный момент.

Поздним утром Перетти проснулся от щелчка замка в двери. Вошел темнокожий слуга графини – Сандр:

– Вас ждут, монсеньор. Я провожу.

– Пошел вон! – Перетти накинул пурпуэн и уверенно зашагал той дорогой, которой его вели ночью. Вскоре он оказался в спальне, но там никого не было. Сандр, догнав ночного гостя, проводил его в кабинет, где и была Виктория.

Едва переступив порог Перетти начал:

– И о чем же вы хотели говорить?

– Главным образом, о том, как вы оказались ночью в моем доме.

– Вам описать весь путь? – Перетти удобно расположился на стуле. – Сначала через стену, потом по дереву на балкон.

Виктория опешила от такой наглости:

– Я прикажу срубить это дерево!

Перетти глубокомысленно покивал:

– Да, это будет правильное решение.

– По какому праву...

Перетти резко поднялся:

– По своему! Я вхожу туда, куда сочту нужным, и так, как мне нравится! Тем более, когда это касается тебя, дочь моя!

– О, нет, в отношении меня эти права вы утратили уже давно! Когда подвергли унижению при разводе. Когда угрожали оставить в монастыре. Когда выдали меня замуж за никчемного выскочку Морно. Когда сделали свой выбор не в мою пользу. Кстати, как моя сестра? – Виктория на несколько шагов отступила от Перетти. Казалось, гневная тирада лишила ее сил – частое дыхание стало тяжелым, щеки покрылись нездоровым румянцем. Но Перетти не собирался никого щадить.

– Действительно, кстати... Пожар в Бельфоре твоих рук дело?

– Нет. Но, скажем так, я была в курсе некоторых предполагаемых событий.

– Кто был целью?

– У вас есть какие-то сомнения на этот счет?!

Перетти пристально посмотрел женщине в глаза и усмехнулся:

– Я должен благодарить тебя за тот проход. Ты помогла мне спасти свою сестру.

Произнося последние слова, Перетти внимательно следил за Викторией. От него не укрылась мимолетная гримаса недовольства на ее лице. Он улыбнулся еще шире:

– Да, мне тут шепнули – Каррера, о, простите, Его Святейшество ждут вас в Риме. Ты позволишь мне взглянуть на дочь? – Перетти вновь подался к женщине.

– Нет! – резко и громко ответила Виктория. Слишком отчетливо она услышала в словах Перетти угрозу.

Кардинал не выдержал и рассмеялся.

– Арно! Сандр! Проводите синьора... Сарто!

От гнева щеки Перетти залил густой румянец. Шагнув к графине, он зло проговорил:

– Белая мантия любовника надела тебя отвагой, лишив при этом разума?

– Не только белая, – в тон ему ответила Виктория.

И уже громче закончила:

– Проводите гостя!

Покидая дом Виктории, кардинал никак не мог избавиться от мыслей о последней фразе графини.

К полудню Перетти вернулся в свой дом.

– Юлия, хочешь знать, где я был и кого видел? – он не обратил внимания, что графиня куда-то собралась и уже застегивает плащ.

– Мне абсолютно все равно, – спокойно ответила она, – можешь ходить где угодно, встречаться с кем угодно и когда угодно. Только возвращайся, пожалуйста, в приличном виде.

Юлия ничем не выдала, что прождала его всю ночь. Вернувшийся брат Иосиф рассказал ей все, и графиня сделала свои выводы. В прошедшие месяцы она ни на что не жаловалась Феличе, ни разу не упрекнула его в том, что слишком часто он бывал просто пьян. Но это ночное похождение вывело ее из душевного равновесия. Перетти проигнорировал слова Юлии. Но, проходя к креслу, бросил все-таки мимолетный взгляд на себя – одежда и впрямь была

помятой и пыльной. Он поморщился и тут же покивал каким-то своим мыслям, словно увиденное подтвердило какое-то его решение. Некоторое время синьор Невре сидел неподвижно, глядя прямо перед собой. Когда же граф поднял взгляд, то удивился, что остался в комнате один. Вошел брат Иосиф, ответил на безмолвный вопрос:

– Она поехала прокатиться за городом. Я послал за ней человека.

– «Ее светлость», Иосиф, а не «она».

Монах склонил голову, пряча усмешку. Это замечание уже стало традицией.

– Монсеньор, что делать с тем человеком из дома Морно?

– Приведи его сюда.

Перед Перетти предстал молодой мужчина. Дублет его сохранял еще некоторые следы роскоши, но был явно потрепан временем и поединками. Однако из-под простого темного плаща выглядывал эфес хорошего дорогого оружия.

– Как твое имя?

– Жерар Манфреди.

– Ты вор или наемник? – холодно поинтересовался Перетти.

– Учитывая обстоятельства нашей встречи, я мог бы задать тот же вопрос вам, синьор.

Кардинал усмехнулся.

– Почему ты не сбежал от, – Перетти замялся, думая как лучше обозначить Иосифа.

– От вашего монаха?! Потому что знаю, с кем свела меня судьба. А от судьбы я никогда не бегая.

– Что ты делал в доме Морно ночью?

– Искал закладные на свои земли. Выкупить их у меня вряд ли получится.

– И ты решил обворовать женщину?!

– Только после того как она обокрала меня!

– М-м-м... Что ж, возможно судьба была не так уж не права в отношении тебя. Ступайте, синьор Манфреди, у меня будет для вас дело чуть позже.

После Перетти позвал к себе иезуита:

– Синьора Юлия еще не вернулась?

– Нет, монсеньор.

– Как только появится, скажи ей, что я хочу ее видеть. И вот еще что... Я возвращаюсь в Рим.

– Слава Всевышнему!

– Иосиф, ты не понял... Кардинал Феличе Перетти возвращается в Рим. Отправь весточки моим друзьям в курии, пусть готовятся, сочиняют легенду. Например, мы были в плену у разбойников. И с Божьей помощью сейчас спаслись и вернулись под сень Святого престола. Чем невероятнее, тем лучше! Рассчитай моих молодцов, но скажи им, что его преосвященство нуждается в верных людях так же, как знаменитый Сарто. Казну на виллу Монтальто доставит синьор Манфреди. Проследи за этим особо тщательно.

– Разумно ли доверять этому ночному гостю? Манфреди никогда не были друзьями римских пап.

– Вот и проверим. Ты понял меня?

– Да, монсеньор.

Юлия вернулась лишь вечером. На ее лице, разгоряченном быстрой ездой, отражалась скрытая радость. Она была красива в мужском костюме, с подобранными волосами. На Перетти она не обратила внимания, не заметила его в полумраке комнаты, через которую прошла к себе. Вскоре Феличе сам вошел к ней. Впервые за год он был облачен в кардинальскую мантию и чисто выбрит. Он окинул взглядом покои графини, убедился, что она еще не заметила обновку.

– Я изменил планы. Мы возвращаемся в Рим. Ты поедешь в этом платье, – Перетти отодвинул ширму.

– Тебе нравится, – скорее утверждая, чем спрашивая, произнес он.

– Ты в этом так уверен, что я не могу отказаться. Но зачем тебе в Рим? Тебе надоело жить? Ты забыл, что твой друг Каррера многое отдаст, чтобы отправить тебя в камеру Сант-Анджело. И сам лезешь ему в руки!

Кардинал мрачнел с каждым словом:

– Ты думаешь, я не знаю этого?

– Что ты собираешься делать? – в голосе Юлии прозвучали нотки тревоги.

– Тебе достаточно будет знать, что я не собираюсь заниматься там составлением букетов!

– Когда ты не хочешь мне чего-то сказать, это всегда означает, что или ты совершишь преступление, или... ты хочешь поссориться, – она обиделась, но постаралась скрыть это.

– Разве вернуться в Рим означает совершить преступление?! И потом, поверь, я подготовлю почву.

Тут на лице женщины отразилась какая-то догадка. В следующее мгновение глаза наполнились злыми слезами:

– Уж не для этого ли ты бежал ночью к Виктории! Она тоже сегодня приказала собирать вещи! Можешь мчаться за ней! Но без меня! – сорвалась графиня.

Перетти, уже протянувший руки, чтобы обнять ее, отшатнулся.

– Вот как?! – его лицо исказилось то ли от гнева, то ли от досады.

Через мгновение кардинал вышел, хлопнув дверью.

Наутро, уже готовый к отъезду, он не обнаружил в доме Юлию. Выругавшись, Перетти дал сигнал трогать.

Глава 10

Через несколько недель его высокопреосвященство Феличе Перетти прибыл в Вечный город. На столе в своем доме Перетти обнаружил записку: «Кардинал, ты зря приехал в Рим». Однако на следующий же день он появился в курии, чтобы лично убедиться в справедливости уверений брата Иосифа – его ждали. Хотя часть бывших соратников предпочла соблюсти нейтралитет, нашлись и те, кто открыто выразил свою радость по поводу его возвращения. Папа Климент не сомневался, что Перетти приехал в Рим не смиренным просителем. Но сдавать свои позиции и делиться властью бывший протеже Сикста не собирался. А потому кардиналу было чего опасаться.

Однажды Феличе увидел в Ватикане Викторию; в сопровождении компаньонки она пересекала площадь, направляясь к семинарии. Он дождался, когда женщина выйдет, и пошел ей навстречу. Увидев Перетти, Виктория опустила в легком реверансе, даже приложила к перстню. Но эти знаки почтения не обманули кардинала, в его голове вновь звучало ее презрительное: «Проводите».

– Кого-то навещали, донна Виктория?

– Одного юношу. Он сирота, дальний родственник... Я принимаю некоторое участие в его судьбе, – Виктория чуть повела плечами, скрывая нежелание подробнее отвечать кардиналу.

Перетти с усмешкой кивнул, и графиня почувствовала, как некстати ее лицо заливается краской.

– Не тот ли это юноша, о котором вы просили меня однажды? И Папа Сикст тогда даже издал буллу, которая давала этому мальчику, м-м, Сержу, кажется, вашу фамилию – Бюсси – и место в семинарии?

– Вы правы, ваше высокопреосвященство, – Виктории стоило большого труда изобразить благодарную улыбку в ответ.

– Тогда, можно сказать, что мы оба принимаем участие в его судьбе. А как ваша дочь?

Казалось, кардинал искренне заинтересован ответом Виктории, но именно этот интерес и заставил похолодеть ее пальчики от страха.

– Благодарю, хорошо. Подрастает.

Всей душой графиня желала сейчас уйти от этого человека, но на лице была лишь учтивая улыбка и ни тени былой дерзости. Виктория не хотела сейчас дразнить Перетти.

– Папа уже видел ее? – это было произнесено все тем же тоном заинтересованного друга, без иронии.

Виктория немного смутилась, но ответила:

– Простите, но разве это так важно?

– Вы же знаете, что ваша судьба, а значит и судьба... ваших детей, крайне меня заботит. Но вы, кажется, торопитесь. Позвольте, я провожу вас.

– Не стоит, – нервно вскрикнула графиня, но тут же постаралась взять себя в руки и проговорила более спокойно, – ваше преосвященство. Я хотела еще заехать к ювелиру и навестить друзей.

– Друзей... – многозначительно протянул Перетти. – Своих или Карреры?

– Общих, – и Виктория, прямо взглянув на кардинала, улыбнулась так, что у Перетти не осталось и тени сомнения – под учтивостью скрывалась уверенность в своих силах. Кроме того, он понял, что графиня прекрасно осведомлена о том, что Его Святейшество уже дважды отказал кардиналу в аудиенции, и, более того, не раз вполне убедительно указал бывшему патрону его нынешнее место.

– Что же, ступайте, синьора Морно. Желаю приятно провести время, – кардинал чуть склонил голову и направился к себе.

Через несколько шагов он остановился, обернулся и продолжил путь только тогда, когда отъехала карета графини. Ему было жаль ее, но это была последняя возможность. Каррера действительно любит эту женщину и свою дочь.

Виктория уже из окна кареты заметила, что Перетти не ушел. Графиня почувствовала, что должна сегодня обязательно встретиться с Франческо.

Ближе к вечеру служка провел Викторину Морно в апартаменты Папы Климента. Франческо был заметно взволнован:

– Как долго мы не виделись. Сегодня самый счастливый день.

Каррера протянул руки, желая обнять графиню. Виктория, приветствуя Папу, опустилась в глубоком поклоне:

– Боюсь, что это ненадолго, Ваше Святейшество.

– Почему? – он взял ее за руки и усадил рядом с собой. Не дождавшись ответа, осторожно касаясь, приподнял за подбородок ее лицо к своему:

– Что случилось, Виктория?

Словно отвергнув последние сомнения, графиня на одном дыхании проговорила:

– Сегодня, после того как я поздравила Сержа с именинами и вышла из семинарии, меня встретил кардинал Перетти. Он спрашивал о Диане.

– Я видел, как вы разговаривали, – Климент помрачнел. Папа резко поднялся из кресла, куда только успел присесть, и прошелся по комнате.

– Этот человек вернулся уверенный, что будет действовать через меня. Но я не стану марионеткой ни в чьих руках. Тем более в его!

– Ваше Святейшество, – Виктория подошла к нему, положила руки на плечи, – Франческо, я боюсь за дочь... Ты же еще не видел ее. Она здесь, вели позвать Луизу с девочкой...

Когда служанка внесла малышку, Каррера не сдержал радостной улыбки. Он взял на руки ребенка, всмотрелся в темные вишневые глаза. И тут до него дошел смысл слов Виктории.

– Почему ты боишься за дочь?

– Перетти... Он захочет заставить тебя... И наша дочь может стать для него инструментом. Знаешь, когда родилась Диана, лекарь сказал, что она совершенно здоровый ребенок и будет красавицей, советовал позаботиться о ее будущем. Но Перетти... Я чувствую – он задумал что-то недоброе, – Виктория едва сдержала слезы.

– Не бойся! Для начала ему придется попробовать восстановить свое влияние в коллегии. А я не собираюсь этого допускать. Все будет хорошо, Виктория, – Климент задумался, глядя на дочь. Через несколько мгновений он поднял на графиню тяжелый взгляд:

– Возможно, скоро мне удастся избавиться от этого человека.

– Спустись на землю, Франческо! – со слезами воскликнула Виктория. – Я боюсь его с того момента, как он забрался в мою спальню в Тиволи. Слава Богу, в постели была не я, и рядом были мои верные слуги.

Испугавшись громких голосов, девочка заплакала. Виктория подошла к Клименту, взяла ребенка из его рук.

– Прости, я не должна была тебя тревожить. Но я так хотела тебя увидеть, – женщина смотрела в глаза Клименту и, казалось, что-то искала в его взгляде.

Виктория стояла перед ним с младенцем на руках – прекрасная, хрупкая, нуждающаяся в защите. И он решил:

– Завтра ты придешь с дочерью сюда, и вы останетесь во дворце.

Тут Клименту пришлось отвлечься, в комнату постучали.

– Ваше Святейшество, пришел кардинал Менголли.

– Проводи его в студиоло, мы сейчас будем.

Когда дверь закрылась, Франческо подошел к Виктории, осторожно, чтобы не потревожить малышку, склонился к губам и после поцелуя проговорил тихо и уверенно:

– До завтра, любовь моя.

– До завтра, – так же тихо ответила Виктория, но сердце болезненно отозвалось: «Если не будет поздно».

Проходя по галерее, графиня заметила мужчину в дорожном плаще, из-под которого выглядывала алая мантия. Приглядевшись, Виктория узнала Бенвенуто. Молодой кардинал тоже узнал женщину и уже хотел окликнуть ее, как туда же вышел Климент. Кардиналу пришлось опуститься на колено перед Святейшим Отцом. Воспользовавшись этим обстоятельством, графиня быстро покинула папский дворец.

В это же время Перетти велел привести синьора Манфреди.

– Синьор, сегодня ночью вы возьмете брата Иосифа, моих людей и отправитесь к графине де Морно. Мне нужен ребенок. С головы девочки не должен упасть и волос. С женщиной можете делать что хотите. Если со мной что-то случится, увезите ребенка на виллу в Сальвеццо.

– Но, монсеньор, это серьезное мероприятие. Необходимо тщательно подготовиться – лошади, деньги...

– Синьор Манфреди, я прекрасно это понимаю! Вот деньги, – Перетти выложил перед Жераром увесистый мешочек, – остальное доверяю вашей находчивости и воле Божьей. У меня нет времени на подготовку. Ступайте, и да пребудет с вами все небесное воинство.

Манфреди отправился готовиться к исполнению приказа. Когда Жерар выходил из дома, ему встретилась женщина, одежда и фигура которой скрывались под невзрачным плащом. Она торопливо склонилась в поклоне – больше из желания скрыть лицо, чем из почтения. Манфреди успел заметить золотисто-медный локон, выбившийся из-под капюшона. Необычная простолюдинка, заходящая в дом прелата с парадного входа, показалась ему знакомой, но он не остановился, торопясь по своим делам.

Юлия вошла в палатцу и уже за порогом скинула капюшон с головы. Вставший было на ее пути слуга, склонил голову и отступил. Женщина поднялась в кабинет к Перетти и остановилась на пороге. Кардинал что-то писал за столом и, казалось, ничего не заметил. Юлия, бесшумно пройдя по меховому ковру, опустилась в кресло. Она не нарушала молчания. Она ждала. Перетти закончил писать, накапал воска и запечатал письмо. После поднялся и отошел к окну.

– Зачем ты приехала?

На улице темнело. Было видно, что кардинал чего-то ждет.

– Я устала без тебя. Я боюсь за тебя. Мне плохо, – Юлия подошла и встала за его спиной, – мне очень плохо и... страшно.

– Чего ты боишься?! Ты могла бы уехать в Тулузу, в Бельфор или... еще куда-нибудь и жить там.

Перетти повернулся к женщине. Тревога углубила складку между напряженных бровей, легла серой тенью под его глазами; мысли Феличе витали где-то далеко.

– Ты ввязался в драку с человеком сильнее тебя. Ты обречен на поражение. Мнительность и гордыня заставили тебя это сделать!

Юлия знала, что это жестоко, но она хотела вывести его из оцепенения. Если ему нужно бороться, пусть он будет готов к этому. Она смотрела Феличе в глаза. Они словно были подернуты ледяной дымкой, будто он и не слышал слов графини. Ей хотелось обнять его, защитить, поцеловать его усталые и такие родные глаза.

Вдруг кардинал повел головой, словно сторожевой пес на шорох, бросился к столу и принялся жечь бумаги. Та же участь постигла и недавно написанное послание. Через некоторое время за окном послышался шум подъехавшей кареты, голоса, и вот уже по первому этажу стучат тяжелые шаги.

Феличе схватил женщину за плечи:

– Юлия, это за мной. Здесь дверь, уходи, – и почти вытолкнул ее.

Она не сопротивлялась. Только оставаясь на свободе, Юлия могла помочь Перетти. Едва успела закрыться неприметная дверь за беглянкой, в комнату вошли папские жандармы.

– Кардинал Перетти, следуйте за нами.

– По какому праву вы врываетесь, – начал было монсеньор, но его грубо оборвали.

– Мы здесь по приказу Его Святейшества, поэтому помолчите, кардинал. Вам еще предоставят возможность поговорить, – капитан нагло усмехнулся.

Чтобы не провоцировать насилие, дальше Перетти подчинялся молча.

Ближе к полуночи Жерар Манфредо и брат Иосиф с несколькими бывшими членами отряда Сарто были у палаццо Бюсси-Морно. Жерар расставил людей, а сам с иезуитом перелез через стену.

– Брат Иосиф, я спущу корзину с ребенком вниз.

Монах встал спиной к стене, помог подельнику взобраться на балкон и затих...

Манфредо уже прикрепил корзину к крюку на веревке, а монах приготовился принять груз, когда оба одновременно почувствовали у шеи холод стали. Их ждали! Иосиф еще успел свистом подать сигнал своим людям, за что поплатился тяжелым ударом по голове. Наверху Манфредо скрутили двое дюжих слуг:

– Милейший, пройдемте-ка с нами. Вам понравится, не сомневайтесь.

Их провели в подвал дома, где заперли по разным клетушкам. Вскоре в каморку Жерара пришла сама Виктория и трое доверенных слуг. Манфредо, не скрывая удивления, осмотрел ее наряд – графиня пожаловала в дублете, штанах и мягких сапогах.

– Синьор Манфредо, помнится, мы однажды не завершили один наш разговор.

Слуга буквально вложил в руку Жерара шпагу.

– На чем мы тогда остановились? На моем отказе?

– Ошибаетесь, синьора, – голос мужчины сбился. – На том, что если бы вы были мужчиной, я убил бы вас.

– Так, может быть, попытаетесь теперь? – Виктория холодно, надменно оглядела его.

Манфредо вдруг улыбнулся своей самой обаятельной улыбкой:

– Бог мой, графиня, как вы прекрасны сейчас, – и он бросил шпагу к ее ногам. – Я сдаюсь на милость победителя... победительницы.

К концу фразы обаятельная улыбка превратилась в издевательски-злую. Виктория осталась бесстрастной:

– Не нужно бросаться оружием, барон.

– Синьора Морно, я просил вас не упоминать мой титул до того, как я верну свою собственность! – взгляд Манфредо на мгновение ожесточился, но мужчина тут же вернул своему лицу безмятежно веселое выражение.

– Свою собственность?! У вас более нет собственности. Уверена, вам не удастся в срок оплатить закладные, а потому... Возьмите шпагу, сударь!

Жерар взвесил в руках вновь поданное ему оружие:

– У вас плохо сбалансировано оружие, Виктория. Так клинок кажется тяжелее...

Продолжить барон не успел, Виктория сделала резкий выпад, и ему пришлось занять оборонительную позицию.

– К бою! – Виктория на самом деле была в гневе, как любая мать, защищающая свое дитя. В эти минуты она действительно была прекрасна, ее глаза сверкали яростью и жадой крови.

– Итак, вас послал... Ну же, отвечайте! – и вновь звон металла.

– Вы же знаете, Виктория, я всегда бьюсь молча.

Манфреди проскользнул под рукой графини, развернул кисть, и шпага Виктории оказалась на полу. Мужчина замер на месте:

– Вы хорошо запомнили положение ног при этом финте?

– Пожалуй. Вы прекрасный учитель, барон, – она перевела сбившееся дыхание. – Но вы не ответили на вопрос. Хотя это ни к чему! Я знаю ответ! Вы с Перетти стоите друг друга.

Виктория подняла оружие и повторила атаку.

– Синьора, запомните, тот, кто знает удар, знает и защиту от него. И вообще никогда не повторяйтесь.

Жерар провел серию атак и под конец силой инерции движения своего тела буквально выдернул шпагу из рук графини.

– А здесь главное не потерять равновесие.

Виктория, сжав зубы, подняла оружие. И они вновь сошлись в фехтовальном танце. Вдруг, рискуя нанизать себя на шпагу графини, Жерар подался к ней и, одновременно указав в угол, воскликнул:

– Крыса!

Виктория тонко взвизгнула и тотчас обнаружила себя прижатой к стене. А Манфреди прошептал, склоняясь к ее ушку:

– Викки, никогда не отвлекайся. Это может стоить тебе... чести.

На выручку к госпоже подоспел Арно. На затылок графа опустилась рукоять кинжала, и мир померк. Когда Жерар очнулся, в камерке никого не было, но на небольшом столе стояла бутылка вина.

Утром следующего дня графиня Морно пришла к Клименту. Дома она потратила немало времени, выбирая наряд. В конце концов, остановилась на бархатном темно-бордовом платье и любимом рубиновом колье. К назначенному сроку она опоздала.

Папа встретил Викторию в личных покоях, на лице его были явственно заметны следы бессонной ночи.

– Наконец-то, а то я уже начал беспокоиться. Что-то произошло? Где дочь? – с каждым вопросом голос Климента все больше наполнялся тревогой.

Виктория же, напротив, выглядела совершенно спокойной.

– Диану ночью пытались похитить... какие-то проходимцы. Слава Богу, со мной были Арно и Сандр.

– Где Диана? – Франческо в несколько шагов пересек комнату и обнял женщину.

– Все в порядке, она здесь с Луизой.

Климентом овладел гнев:

– Негодяй! Когда он успел?! – размахисто шагая, Франческо метался по комнате перед Викторией. – Вчера вечером Перетти арестовали!

– Да?! А я думала, что он тоже был там, но успел унести ноги...

– Где там? И что значит, успел унести ноги? Виктория, расскажи мне все! – он наконец остановился и требовательно посмотрел на графиню.

– Франческо, я хочу чего-нибудь выпить, и я очень проголодалась, – Виктория улыбнулась, желая успокоить мужчину.

– Хорошо. Диану сейчас устроят в ваших комнатах, а я прикажу подать на стол. Но ты должна мне все рассказать.

Уже сидя за обедом, графиня начала свой рассказ:

– Вчера, точнее, ночью, несколько человек пробрались в дом, в спальню, где спала Диана. Слуги вовремя заметили это... Вернее, мы ждали чего-то подобного, – при этих словах лицо Климента омрачилось еще больше. – Мы взяли двоих, когда они пытались спустить дочь в корзине вниз. Сейчас все в порядке.

– Ты... говоришь мне не всю правду, – Папа посмотрел в глаза Виктории. – Назови мне этих... проходимцев!

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.